

Локализация тюркских прародин: сопоставление лингвистических и археологических данных о комплексе вооружения тюрков¹

Решение проблемы локализации прародины тюрков является одной из наиболее приоритетных задач современной тюркологии, которая должна решаться на стыке археологии и лингвистики.

Еще пятнадцать лет назад (см. [СИГТЯ 1997]) традиционно считалось, что прародина тюрков находилась в предгорьях Саяно-Алтая. Но недавние археологические исследования показали, что «публикация обнаруженных в 70—80-е годы в Ордосе погребальных комплексов эпохи Чжаньго (V—III вв. до н. э.) позволила ряду исследователей сделать вывод о культурном и, возможно, политическом единстве населения Ордоса и Алтая в позднескифское время» (см. [Ковалёв 1999] с подробным анализом литературы).

Таким образом, возник вопрос, где же была локализована прародина тюркского этноса — в предгорьях Саяно-Алтая или во Внутренней Монголии на Ордосе. Для ответа на него мы сначала обратились к сравнительному анализу реконструкции названий природного окружения, релевантных для верификации локализации тюркской прародины, и биологических данных по распространению тех или иных видов.

Ниже приведен обзорный список видовых названий деревьев, диких животных и рыб², которые восстанавливаются для пратюркского состояния. Набор реконструкций опирается прежде всего на работы А. М. Щербака [ИРЛТЯ], Ю. В. Норманской [СИГТЯ 2006] и на раздел «Животные», написанный А. В. Дыбо в [СИГТЯ 2000]. Полные списки форм, входящих в этимологии, читатель найдет в [Норманская, Дыбо 2010]. С фонетической точки зрения праформы восстановлены в соответствии с версией пратюркской реконструкции, опубликованной в [СИГТЯ 2006] и в [Дыбо 2007].

Рассмотрим полученные реконструкции названий деревьев, зверей и рыб с точки зрения двух возможных локализаций тюркской прародины в Саяно-Алтайском регионе или на Ордосе. По данным, представленным на сайте “Flora of China” (<http://flora.huh.harvard.edu/china/>; <http://www.efloras.org>), на Ордосе засвидетельствованы все виды деревьев, названия которых предположительно реконструируются для пратюркского языка: липа (ПТю **jöke*), клен (ПТю **ür(e)ŋ(ge)*), дуб (ПТю **ajmen* / **ejmen*), рябина (ПТю **bę(ń)le-*), тополь (ПТю **derek*, **Kabak*), ива (ПТю **Kabak*), осина (ПТю **ab(i)sak*), вяз (ильм), осина (ПТю **ejlme*), ольха (ПТю **jeřk* / **jeřük*), ясень (ПТю **Kebrüč*).

По картам и описаниям, приведенным выше, видно, что на Ордосе встречаются следующие звери, названия которых реконструируются надежно: дикий козел (ПТю **teke*), дикая лошадь (ПТю **Taki*), кабан (ПТю **kāpan*), медведь (ПТю **āpa*), волк (ПТю **bōri*), лиса (ПТю **tilkü*), горностай (ПТю **iařs*), хорек (ПТю **güřen*), барсук (ПТю **bors-mik*), заяц (ПТю **kodan*), сурок (ПТю **sogur*), выдра (ПТю **qama*, **qam-la/uy*), еж (ПТю **t/kipi*), летучая мышь (ПТю **jari-(sa)*). Из тех зверей, пратюркские названия которых менее надежны, на Ордосе засвидетельствованы: лось, олень-марал (ПТю **bulan*), суслик (ПТю **örke*, **ēr-len*), хомяк (ПТю **ēr-len*), другие мелкие грызуны (ПТю **küs-kö* / **küs-irtke* ‘(полевая) мышь’, **sič-kan* ‘мышь, крыса’).

Из рыб, названия которых надежно реконструируются для пратюркского, на Ордосе представлены следующие: осетр, стерлядь (ПТю **bEkre*, **čöke*, **sibrik*, **Tuki*), пескарь (**bitürge*), сазан (**siāran*), сом (**jājin*); из менее надежно реконструируемых — язь (ПТю (?) **uptl*), жерех (ПТю **sil(le)* / **sila* ‘судак, жерех, белуга’), карп (**čarak* ‘рыба семейства карповых’), щука (**čortan*).

Рассмотрим, какие деревья, млекопитающие и рыбы встречаются в Саяно-Алтайском регионе. Из деревьев, для которых удастся реконструировать пратюркские названия, помимо клена и дуба (названия реконструируются однозначно), которые не растут в Саяно-Алтайском регионе, там не встречено ясеня и вяза. Название вяза **ejlme* ‘вяз (ильм), осина’ восстанавливается не вполне однозначно. Реконструкция же **Kebrüč* ‘ясень’ кажется нам весьма надежной, практически у всех рефлексов этого слова представлены те же значения, что реконструируются и для праязыка. Из млекопитающих, названия которых надежно реконструируются для пратюркского, на Саяно-Алтае не встречается еж³. Из рыб, названия которых реконструируются для пратюркского, в водоемах Саяно-Алтая не встречаются сазан и сом.

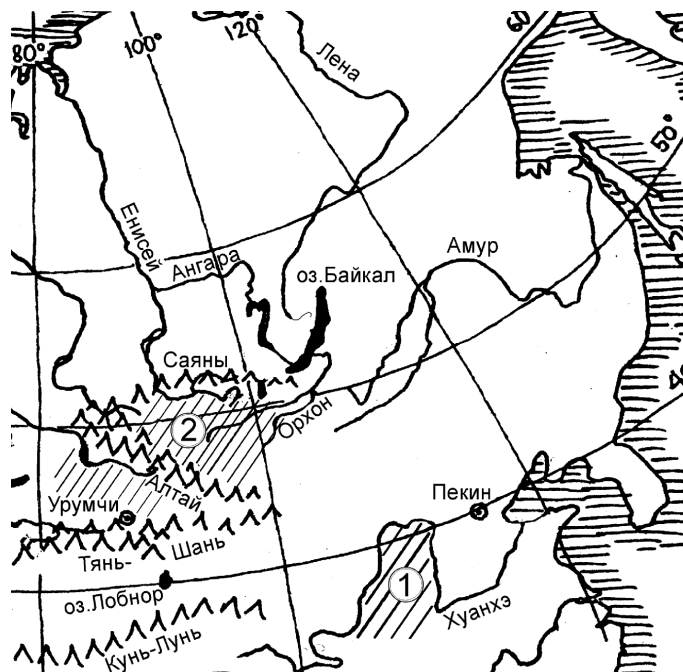
¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 11-04-00049а.

² Названия пратюркских птиц не являются релевантными для локализации прародины.

³ Три из пратюркских названий животных: однозначное название льва **ar(i)slam*, однозначное название соболя **kāiřs* и неоднозначное по семантике рефлексов, но однозначно реконструируемое название бобра **kundiř* ‘бобр’ —

Таким образом, на основании того, что надежно для пратюркского языка реконструируются названия клена, дуба, вяза, ясеня, ежа, сазана, сома, а эти растения и животные не встречаются в Саяно-Алтайском регионе, но распространены на Ордосе, мы предполагаем, что какое-то достаточно продолжительное время носители реконструируемого пратюркского языка жили на Ордосе.

На приведенной ниже карте обозначены регионы, где встречены деревья и животные, названия которых реконструируются для пратюркского языка.

Соотношение пратюркских названий деревьев, животных и их распространение на двух возможных прародинах

В регионе 1 и в регионе 2 встречаются липа (ПТю **jöke*), рябина (ПТю **be(ñ)le-*), тополь (ПТю **derek*, **Kabak*), ива (ПТю **Kabak*), осина (ПТю **ab(i)sak*), вяз (ПТю **ejlme*), ольха (ПТю **jeŕk* / **jeŕük*), береза (ПТю **Kadiŋ*), дикий козел (ПТю **teke*), дикая лошадь (ПТю **Taki*), лось, олень-марал (ПТю **bulan*), кабан (ПТю **kāpan*), медведь (ПТю **āpa*), волк (ПТю **bōri*), лиса (ПТю **tilkü*), горноста́й (ПТю **iaŕs*), хорек (ПТю **güŕen*), выдра (ПТю **qama*, **qam-la/wy*), барсук (ПТю **bors-mik*), заяц (ПТю **kodan*), сурок (ПТю **sogur*), летучая мышь (ПТю **jari-(sa)*), суслики (ПТю **örke*, **ēr-len*), хомячки (ПТю **ēr-len*), другие мелкие грызуны (ПТю **küs-kö* / **küs-irtke* ‘(полевая) мышь’, **sič-kan* ‘мышь, крыса’), осетр, стерлядь (ПТю **bEkre*, **čöke*, **sibrik*, **Tuki*), пескарь (ПТю **bitürge*), язь (ПТю **uptl*), жерех (ПТю **sıl(l)e* / **sıla* судак, жерех, белуга’), карп (ПТю **čapak* ‘рыба семейства карповых’), щука (ПТю **čortan*).

Только в регионе 1 встречаются клен (ПТю **ür(e)ŋ(g)e*), дуб (ПТю **ajmen* / **ejmen*), ясень ПТю (**Kebrüč*), еж (ПТю **t/kipi*), сазан (ПТю **siāran*), сом (ПТю **jājīn*).

Таким образом, анализ пратюркских названий деревьев, зверей и рыб указывает на локализацию тюркской прародины на Ордосе. Но если принять эту гипотезу, возникают следующие вопросы.

1) Справедливо ли утверждение, что для пратюркского этноса следует предполагать кочевой образ жизни и миграции между нынешним Ордосом и южным Саяно-Алтаем в конце I тыс. до н. э. — первых веков н. э. [СИГТЯ 2006: 393; Дыбо 2007: 199—200]? Или все-таки на момент распада пратюркской общности этнос, скорее, локализовался в районе Ордоса, а затем началось его частичное постепенное перемещение в предгорья Саяно-Алтая?

обозначают виды, не зафиксированные на Ордосе для всего позднего голоцена. Из них соболь водится на Алтае, но бобр и лев не водятся (и как будто не водились в позднем голоцене) и там. Тем не менее, ситуация объяснима, поскольку лев для всего региона, этнокультурно связанного с Китаем, в период около рубежа нашей эры был культурно значимым мифологическим животным; шкурки же соболя и бобра служили чуть ли не основным предметом торговли на этом направлении Шелкового пути.

2) Как и где происходил распад пратюркского языка⁴? Где была территория расселения общетюркского этноса?

В [СИГТЯ 2002: 734] О. А. Мудрак показывает, что распад пратюркского языка датируется, с точки зрения глоттохронологии, около 120 г. до н. э.

А. В. Дыбо анализирует время и место существования пратюркского и общетюркского этносов с точки зрения лингвистических контактов с носителями, в первую очередь, китайского, уральских, енисейских и иранских языков.

В [Дыбо 2007] рассмотренный набор заимствований из пратюркского и в пратюркский кратко отражен следующей таблицей.

Контактный язык	В пратюркский	Из пратюркского
Поздний древнекитайский	12—16 заимствований «культурного» характера	11 в эпоху Хань, 8 позднее, в основном явные экзотизмы, хотя два из них «прижились» (названия пони и верблюда)
Восточный среднеиранский (ранний сакский? пра-сакско-ваханский?)	8—9 заимствований сугубо культурного характера; ср. значительное число иранских заимствований в языке сюнну	Неясно (возможно, в силу неизученности общей сакско-ваханской лексики; ср. наличие более поздних тюркизмов в хотано-сакском)
Пратохарский	4 (ненадежно); ср., возможно, 2 тохаризма в языке сюнну	5 (ненадежно; ср. наличие более поздних тюркизмов в тохарском В)
Прасамодийский	2 ('кора', 'бульон')	15—21, в основном «культурные»
Праенисейский	1? ('наконечник стрелы')	8—9 (термины материальной культуры)
Праобско-угорский	3 (торговые)	6 (культурные)
Табгачский (монгольский)	Неясно	4

На основании анализа полученных результатов А. В. Дыбо приходит к выводу, что «время и место существования тюркского праязыка, как кажется, достаточно хорошо укладывается на широкую территорию между нынешним Ордосом и южным Саяно-Алтаем в конце I тыс. до н. э. — первых вв. н. э.» [Дыбо 2007: 199—200].

Распад общетюркской языковой общности (праязыка для всех современных языков, кроме чувашского) в [СИГТЯ 2002: 734] датируется 50 г. н. э. Анализ лексических заимствований позволяет сделать следующие выводы: контакты тюркского этноса с носителями среднекитайского, согдийского и среднеперсидского языков, которые датируются IV—VIII вв. н. э., уже не отражаются в якутском языке. На основании этого можно сделать вывод, что они имели место уже после распада общетюркского языка, а сам распад произошел ранее IV в. н. э.

⁴ Под пратюркским языком мы вслед за [СИГТЯ 2006] понимаем общий праязык для всех современных тюркских языков, включая чувашский. Первым этапом в распаде пратюркской общности было отделение болгарской подгруппы, единственным современным потомком которой является чувашский. Как указано в [СИГТЯ 2006: 772], «это разделение с точки зрения процессов изменения языка выражено в фонетике следующими наиболее яркими изоглоссами: 1) озвончение пратюрк. **t* > общетюрк. **d*- перед звонкими смычными, **r* и **r'* (следы такого озвончения обнаруживаются в огузских и саянских языках, но отсутствуют в дунайско-болгарских заимствованиях в венгерский); 2) развитие пратюрк. **l*, **l̥*, **r*' в булг. **l*, **č*, **r* в соответствии с общетюрк. **š*, **š*, **z*; 3) развитие в булг. **-δ* > *j* в основах, содержащих *r* и **-δ* > *-r'* в других контекстах (хронологически это правило, видимо, можно считать последним из трех, поскольку оно могло действовать после совпадения в булг. **r* и **r'*, ср. чув. *xij̄r* 'кора' < пратюрк. **Kar'-dir*). В морфологии это следующие (не упорядоченные относительно друг друга) процессы: а) общетюркский и болгарский воспользовались двумя различными путями грамматикализации показателей множественного числа; болгарский использовал старое постпозитивное местоимение **saiin* 'все', общетюркский — один из старых суффиксов собирательных имен, **-lar* (отметим, что в обеих ветвях можно обнаружить следы старого показателя (парной?) множественности **-r'*); б) в парадигме именного склонения общетюркский заменил старый аффикс генитива *-(i)ŋ* (с распределением после гласного и согласного конца основы) на аффикс *-(n)iŋ*, извлеченный из переинтерпретированных местоименных форм; болгарский, напротив, сначала сохранял *-(i)ŋ*, а позже развил *-(n)iŋ* для посессивно-именной парадигмы и существительных, основа которых содержит те же гласные, что и личные местоимения; в) общетюркский потерял причастие ожидаемого будущего на *-s*, сохранив это образование только для отрицательных форм неопределенного будущего; болгарский, напротив, сохранил это причастие».

Но время и место существования общетюркского этноса, с точки зрения археологии, долгое время оставалось неопределенным и являлось предметом оживленных дискуссий. Как указывается в [Тишкин 2006], «в истории тюрков проблема этногенеза по-прежнему остается актуальной».

Собственно этноним «тюрки» появляется в V в. н. э. в связи с возникновением Первого Тюркского каганата, и только с этого периода идентификация этноса и археологической культуры надежна.

Но если по глоттохронологии распад пратюркской общности датируется последними веками до н. э., и, с точки зрения сопоставления археологических и лингвистических данных, представляется целесообразным локализовать тюркскую прародину в районе Ордоса, а наиболее поздние хуннские погребения в этом регионе датируются IV в. до н. э., то возникает вопрос: где же были носители общетюркского языка девять столетий — с IV в. до н. э. до V в. н. э.?

Открытия, сделанные археологами в последние десятилетия, позволяют вплотную подступить к решению этой проблемы. Как отмечается в [Деревянко, Молодин, Савинов 1994], «открытие памятников гунно-сарматского времени на территории Горного Алтая — одно из наиболее значительных явлений за последние годы развития археологии Южной Сибири. Материалы могильников Белый — Бом II и Кок-Паш, Булан Кобы IV и Айрыдаш, Коо-1 и Усть-Эдиган, Бике-1 и Улита и др., как опубликованные, так и еще не увидевшие свет, показывают, что в конце I тыс. до н. э. — первой пол. I тыс. н. э. на территории Горного Алтая проживали разные группы населения, в той или иной степени воспринявшие влияние хуннской культурной традиции».

В 2007 г. С. В. Алкин, анализируя коллекцию из кургана Бома в Северном Притяньшанье, пишет уже более определенно: «эти находки» позволяют сделать вывод, что возникновение раннетюркской культуры восходит к хуннской (...) этнической среде. В период нахождения их предков в Турфанском оазисе в процесс могло включиться ираноязычное население этого района. В настоящее время в районе Турфана изучается памятник, который, с некоторой степенью вероятности, может представлять материалы, характеризующие одну из ранних стадий этого исторического процесса (...). Это уникальная возможность, так как до сих пор среди известных археологических памятников восточного Туркестана выделение комплексов кочевых культур гунно-сарматского времени сталкивалось со значительными трудностями (...). В равной степени это касается более северных территорий Саяно-Алтая (...). Тем не менее, в настоящее время в Восточном Туркестане и на Алтае известно несколько археологических культур гуннского времени. Их возникновение, с одной стороны, было связано с реакцией местного населения на продвижение хунну на запад, а с другой — дало начало этническому процессу, который привёл к возникновению культуры ранних тюрков» [Алкин 2007].

Таким образом, по мнению С. В. Алкина, с точки зрения анализа археологических находок, можно сделать вывод о том, что предком тюркской культуры, на базе которой был основан Первый Тюркский каганат, являлась культура хунну, погребальные комплексы которых, датируемые гунно-сарматской эпохой (конец I тыс. до н. э. — первая пол. I тыс. н. э.), обнаружены в Восточном Туркестане и на Алтае. Сравнивая данные глоттохронологического анализа, по которому общетюркский период определяется II в. до н. э. — I в. н. э., и выводы, сделанные археологами, можно предположить, что носители общетюркского языка жили на Алтае и в Восточном Туркестане⁵.

Нам представляется целесообразным верифицировать эти гипотезы также на материале сравнительного анализа пратюркских и общетюркских названий материальной культуры и археологических находок в погребальных комплексах: на Ордосе в позднекифское и на Алтае в гунно-сарматское время, соответственно.

Наиболее плодотворным представляется сравнительный анализ названий комплексов вооружения и находок в хуннских могильниках на Ордосе (которые датируются VIII—IV вв. до н. э.) и на Алтае (II в. до н. э. — V н. э.), поскольку предметы вооружения являются постоянными атрибутами этих погребальных комплексов.

Как указывает Ю. С. Худяков [Худяков 1995], военное дело играло важнейшую роль в истории кочевых народов степного пояса Евразии. Во многом благодаря высокому развитию вооружения и военного искусства культурно-хозяйственный тип кочевых скотоводов смог существовать на протяжении трех тысячелетий мировой истории.

Надо отметить, что лингвистическое и археологическое описание вооружения тюрков являются весьма разработанными областями. Но, насколько нам известно, эти две области исследований не были в полной мере сведены воедино.

⁵ Далее мы будем рассматривать в первую очередь возможную локализацию общетюркской прародины на Алтае, поскольку там найдено значительно больше гуннских погребальных комплексов и они лучше описаны. При этом мы не исключаем, что территория прародины была весьма протяженной и захватывала Восточный Туркестан.

С лингвистической точки зрения, богатый материал по названиям вооружения в отдельных тюркских языках собран в работах [Багышов 1990; Ягафарова 2003; Байжанов 1991; Гараджаев 1985; Багаутдинов 2001], посвященных названиям вооружения в азербайджанском, башкирском, казахском и туркменском языках.

Интересная работа [U.-Kõhalmi 1971] посвящена описанию семантики трех названий колчанов **Keş*, **saydaq*, **Kurman* / **Kurug-luk*. Автор статьи реконструирует семантику этих слов, анализируя употребление их рефлексов в древнетюркских текстах и в современных тюркских языках, семантику суффиксальных образований от этих корней и внешнюю этимологию рассматриваемых слов.

Хочется специально отметить интересные работы по реконструкции названий пратюркского вооружения: это [Лосева-Бахтиярова 2005] и статья К. М. Мусаева в [СИГТЯ 1997]. Однако в этих работах не отслежены подробно уровни реконструкции (то есть специально не отмечается, какие предметы вооружения восстанавливаются для пратюркского, общетюркского и более поздних языковых уровней), а различие между сходными предметами вооружения (например, различными видами панцирей и т. д.) восстанавливается лишь на основе фольклорных данных без привлечения материалов археологии.

В настоящей статье мы проводим тщательный анализ праязыковых названий комплекса вооружения с точки зрения реконструкции фонетики и семантики.

Реконструкция фонетической оболочки слова строится путем построения рядов соответствий между фонемами, составляющими оболочки слов, входящих в корпус сближений, и выяснения позиционных развитий этих фонем. Реконструкция семантики не может основываться на построении рядов соответствий между семантическими компонентами слов в родственных языках: поскольку этих компонентов очень много, семантическая позиция⁶ гораздо сложнее и менее частотна, чем фонетическая; фактически каждое употребление слова представляет собой отдельную семантическую позицию, и для построения рядов не хватит материала. Поэтому здесь, в отличие от сегментной фонетики, где на типологии звуковых изменений строится интерпретация реконструкции, но не сама реконструкция, особое значение приобретает увеличение оборотного материала с помощью построения типологии семантических изменений, на которую и опирается семантическая реконструкция.

Простейший способ обоснования смыслового перехода — ссылка на сходный переход (или соотношение значений) в другом языке — вполне принят в традиционной этимологии. Этот прием уточняется путем выяснения условий, сопровождающих то или иное развитие. При этом важно отметить, что для каждой тематической группы лексики существует своя специфика реконструкции. В частности, при реконструкции названий частей тела важно учитывать, что существует универсальная «семантическая решетка», поскольку части тела у всех людей устроены одинаково, но она может по-разному заполняться и видоизменяться на протяжении истории развития языка в зависимости от ряда лингвистических (функциональная нагруженность того или иного термина) и экстралингвистических (различные социальные изменения) причин (см. подробнее [Дыбо 1996]).

При реконструкции системы цветообозначений, как, вероятно, и атрибутивной лексики вообще, ситуация несколько иная. Представляется, что при их сравнительно-историческом анализе и работе с древними памятниками наиболее перспективным методом определения семантики цветообозначений является анализ их сочетаемости с названиями предметов, имеющими постоянный цвет (см. подробнее [Норманская 2005]).

Принципы работы с названиями природного окружения — тоже предметной лексической областью — отличаются от специфики анализа названий частей тела, поскольку природное окружение у носителей различных языков часто устроено по-разному. Здесь важное значение приобретает привлечение экстралингвистического материала об ареалах распространения тех или иных природных явлений в наши дни и в праязыковые эпохи (см. подробнее [Норманская, Дыбо 2010]). Когда же мы реконструируем названия материальной культуры, необходимо привлечение данных археологии.

Анализ значения слова включает определение первичного значения и «продуктов» семантической деривации. Историко-семантический анализ похож на этот процесс так же, как процесс фонетической реконструкции похож на процесс построения глубинных структур для фонемного уровня языка. Как мы помним, рефлексные единицы рассматриваются при реконструкции как отображения глубинных, праязыковых единиц. При семантическом сравнительно-историческом анализе можно рассматривать варьирование значений рефлексов слова праязыка как род многозначности, скажем, многозначность внутри языковой семьи. Таковую многозначность мы называем рефлексной.

В дальнейшем построении семантической реконструкции используется алгоритм, который уже был апробирован при реконструкции названий природного окружения (см. подробнее [Норманская, Дыбо

⁶ Под семантической позицией мы имеем в виду аналог смысловоразличительной позиции для выделения фонем, релевантный для семантического уровня.

2010], где дается подробный анализ условий и особенностей его применения). Принципиальная разница семантической реконструкции названий природного окружения и материальной культуры заключается в следующем. Дело в том, что у нас есть достаточно надежные биологические и палеобиологические данные о распространении того или иного вида растений, животных и рыб на определенной территории, где проживают носители рассматриваемого языка. Но мы не можем с уверенностью сказать о том, что носителям, например, прабулгарского языка были знакомы те или иные виды вооружения, поскольку они представлены в могильниках, относящихся к прабулгарской культуре, потому что определение этнической принадлежности той или иной археологической культуры в большинстве случаев не очень надежно. Поэтому при работе с реконструкцией лексики материальной культуры представляется целесообразным опираться только на лингвистические данные, а потом уже полученную реконструкцию соотносить с археологическими находками.

Надежно с семантической точки зрения восстанавливаются только следующие слова:

1) слова с однозначной семантикой — описывающие один и тот же (и только один) предмет вооружения в дочерних языках;

2) слова, у которых есть рефлекс с одним и тем же значением ‘Y1’ в наиболее удаленных группах языков.

Подчеркнем еще раз, что, поскольку отождествление лексем для разных исторических состояний языка проводится этимологическим методом, значительную часть нашей работы занимает этимологизация, в которой ведущая роль принадлежит принципу соблюдения фонетических соответствий. Только при наличии возможности альтернативной этимологизации с соблюдением выявленных фонетических соответствий к выбору альтернативы применимы историко-семантические критерии.

Археологический анализ комплексов вооружения на Алтае и Ордосе ведется уже около 150 лет (первые результаты получил В. Радлов в 60-е гг. XIX в.), подробный обзор литературы можно найти в монографиях [Худяков 1995, 1997].

В настоящей работе мы сделали попытку соотнести материалы, собранные в лингвистических и археологических работах. Дальнейшее изложение построено следующим образом.

В первой части статьи «Пратюркский комплекс вооружения» собраны названия предметов вооружения, которые реконструируются для пратюркского языка (то есть их рефлекс есть в чувашском языке), и эти названия сопоставлены с археологическими данными о находках вооружения в погребальных комплексах на Ордосе, которые датируются VIII—IV вв. до н. э. и описаны в работах [Ковалёв 1999, 2002]

Во второй части работы «Общетюркский комплекс вооружения» собраны названия вооружения, которые сохраняются из пратюркского, и новые слова, которые появляются на общетюркском уровне, то есть их рефлекс не представлен в чувашском языке, но засвидетельствованы в якуто-долганской и/или сибирской группе. Они сопоставляются с находками оружия в гунно-сарматских погребальных комплексах на Саяно-Алтае, которые датируются II в. до н.э. — V н.э. и подробно описаны в диссертации [Эбель 1998].

Необходимо отметить, что автор статьи, не будучи археологом, никоим образом не претендует на анализ археологических гипотез, перечисленных выше. Основной задачей настоящей работы является лингвистическая реконструкция названий пратюркского vs. общетюркского комплексов вооружения. В качестве одной из возможностей мы предлагаем их соотнесение с определенными археологическими находками в Северном Китае и предгорьях Саяно-Алтая. Нам известно, что гипотезы о соотнесении этих культур с тюрками не являются общепринятыми среди археологов. Но, представляется, что возможная дальнейшая переинтерпретация археологических гипотез не отменит результаты лингвистической реконструкции, которые, мы надеемся, будут использоваться и археологами в их исследованиях по поиску тюркской прародины.

I. Пратюркский комплекс вооружения

Меч, сабля

ПТю **kiliñč* ‘меч, сабля, шашка’: чув. *xěs* ‘меч, сабля, шашка, бёдро (гребень для прибавания утка к ткани)’; як. *kilis, kilis* ‘меч, старинный нож, сабля’; тув. *xiliš* ‘меч, сабля’; хак. *xilis* ‘меч, сабля, шашка’; шор. *qiliš* ‘меч, сабля’; сюг. *qiliš* ‘меч, сабля’; др.-тюрк.⁷ рун. орх., др.-уйг., др.-уйг. (ман.), крх.-уйг. *kiliç* ‘меч’; ср.-тюрк.: хорезм. *kilinç* [Qutb], куман., ст.-осман. *kiliç* ‘меч’; чаг. *qilič* [Pav.C.] ‘меч, сабля’; хал. *Gilič* ‘меч, сабля’; тур. *kilič, kiliz* ‘сабля, шашка, меч’; гаг. *qilič* ‘меч, сабля’; аз. *gilinç* ‘меч, сабля, шашка’;

⁷ Здесь и далее формы, зафиксированные в памятниках, приводятся в транскрипции [EDT].

турк. *Gilič* ‘сабля, шашка, шпага, меч, бёдро (гребень для прибивания утка к ткани)’; узб. *qilič* ‘сабля, шашка, шпага, меч’; уйг. *qilič* ‘меч, сабля’; кар. *qilič* ‘меч, сабля’; кум. *qilič* ‘меч, сабля’; балк. *qilič* ‘меч, сабля, шашка’; тат. *qilič* ‘сабля, клинок, меч, шашка, бердо (гребень для прибивания утка к ткани)’; баш. *qilis* ‘меч, сабля, бердо (гребень для прибивания утка к ткани)’; ног. *qiliš* ‘меч, сабля’; каз. *qiliš* ‘меч, сабля’; ккалп. *qiliš* ‘меч, сабля’; кирг. *qilič* ‘меч, сабля’; алт. *qilič* ‘меч, сабля’ [EDT: 618; VEWT: 263; СИГТЯ 1997: 570; ЭСТЯ 2000: 213—214].

Первые фиксации этого слова в древнетюркских памятниках относятся к VIII в. Значение ‘шашка’ не восстанавливается для праязыкового уровня, поскольку, по [БСЭ], шашка является разновидностью сабли.

Фонетические рефлексy в чувашской форме ясны не до конца. М. Р. Федотов вслед за Г. Дёрфером предполагает, что имело место следующее развитие **Kilič* > **xələš* > **xəls* > *xəš* [Федотов 1996, 2: 348].

Проанализируем возможные причины появления долготы во втором слоге в якутском и халаджском языках: як. *kilīs* ‘меч, старинный нож, сабля’; хал. *Gilič* ‘меч, сабля’. Видимо, на основании этого соответствия в [EDAL] восстанавливается праформа с долгим гласным второго слога: **Kilič̄*. В настоящее время вопрос о происхождении долгих гласных второго слога в якутском и халаджском языках не является решенным, в частности, в [Дыбо 2007] при описании системы пратюркского вокализма второго слога он не ставится.

На материале [ЭСТЯ; EDAL] есть довольно много примеров, где долгий гласный второго слога в якутском языке соответствует долговому гласному второго слога в других тюркских языках⁸:

як. *tanī*, хак. *tanī* ‘ноздря’;

як. *ahī*, диал. *ihī*, кирг. *azū*, алт. *azu*, *azū* ‘клык’;

як. *kiri*, долг. *kiri*, кирг. *qiru* ‘край’;

як. *sari* ‘кожа, кожица’, долг. *hari* ‘кожица’, алт. *jarū* ‘кожа’.

Но есть и ряд примеров, когда в якутском и долганском встречается *ī* во втором слоге и оно соответствует краткому гласному в других языках: як. *simit* ‘яйцо’, як. *ari* ‘масло’, *siti* ‘острый’, як. *ahī*, як. *ajī*, як. *xalim*, *xalim* ‘выкуп за невесту’ и т. д.

Как указывается в [Stachowski 1993: 98—99], практически во всех словах из первой и второй групп *-ī-* в якутском языке появляется в результате вторичного удлинения вследствие выпадения согласного из ПТю / ОТю **-ig*, **Cgī*, которые надежно реконструируются по данным памятников и других тюркских языков (см. этимологии соответствующих слов в [EDAL; ЭСТЯ]): як. *ahī*, як. диал. *ihī*, кирг. *azū*, алт. *azu*, *azū* ~ др.-уйг. *aziγ* ‘клык’; як. *kiri*, долг. *kiri*, кирг. *qiru* ‘край’ ~ крх.-уйг. *qiryay* ‘край’; як. *ari* ‘масло’ ~ рун. орх. *šariγ* ‘желтый’, *siti* ‘острый’ ~ крх.-уйг. *jitig* ‘острый’; як. *ahī* ~ др.-уйг. *ačiγ* ‘острый’; *ajī* ~ рун. орх. *aiiγ* ‘грех, зло’ и т. д. Иногда речь идет о выпадении согласного не в ауслауте, а в инлауте: як. *simit* ‘яйцо’ ~ др.-уйг. *jumurtya*. Единственным исключением является як. *xalim*, *xalim* ‘выкуп за невесту’, в котором словоформа с долгим *ī* является вариантом, возможно, возникшим под влиянием русского слова *калым*.

В халаджском, по [EDAL], мало примеров на *ī* во втором слоге:

хал. *hidīs* ~ др.-уйг. *ediš* ‘сосуд’;

хал. *hissī* ~ др.-уйг. *isig* ‘горячий’;

хал. *aγir* ~ др.-уйг. *aγir* ‘тяжелый’.

Как видно, лишь в одном случае она возникает из-за выпадения последующего согласного (*hissī*), в других случаях происхождение долготы неясно, но в них *ū* соответствует кратким гласным в других тюркских языках, поэтому более вероятен вторичный характер долготы.

Обращает на себя внимание инлаутное *-n-* в азербайджанской и хорезмской формах: аз. *gilinč* ‘меч, сабля, шашка’, хорезм. *kilinč* [Qutb]. Реконструкция ПТю **-nč* маловероятна, поскольку на материале этимологий [EDAL; ЭСТЯ] видно, что в большинстве языков (за исключением якутского и северо-восточных) этот кластер сохраняется. Мы предлагаем реконструировать инлаутный кластер **-nč*. Как показано в [Дыбо 2007], **-nč* > *-j-* практически во всех языках (иногда за исключением языков древне- и среднетюркских памятников, якутского и северо-восточных языков). Таким образом, во всех языках за исключением азербайджанского и хорезмского мы предполагаем развитие кластера **-nč* > **-jč* > **-č*, поскольку сочетание *-jč* было фонетически невозможно⁹. В хорезмском и азербайджанском языках предполагается развитие **-nč* > **-nč*. Для хорезмского языка оно является стандартным. Пример такого развития есть и в азербайджанском языке: ОТю **bakañ* ‘копыто, бабка, суставы’ > аз. *baγanaγ*, *baγančay* ‘суставы’; крх.-уйг. *baqanaq*, *baqajaq* ‘копыто’ ~ кирг., ног., каз. *baqaj* ‘суставы’ [EDAL].

⁸ Примеры приведены по [EDAL]. Рассматриваются только непроезвонные или произвонные уже на ПТю / ОТю уровне.

⁹ На материале этимологий [EDAL], сочетание *-jč-* встречается лишь один раз в алтайском языке *majčiq* ‘заяц’ < **bajī-*.

Реконструкция праформы **Kilīñč* позволяет объяснить и долготу в якутском и халаджском языках, которая, как было показано выше, в якутском практически всегда имеет контракционное происхождение: **iñč > *ijč > як. īs, хал. -īč*.

Ножны

ПТю **kiñ* ‘ножны, футляр’: чув. *jěñě* ‘ножны, футляр, пороховница, сагайдак’, чув. диал. *ěñě*; як. *kīñ* ‘ножны’; тув. *xīñ* ‘ножны, ложе ружья’; хак. *xīñ* ‘ножны’; шор. *qīñ* ‘ножны’; сюг. *qīñ* [ЯЖУ] ‘ножны’; др.-уйг. (ман.) *kin-* ‘ножны’; крх.-уйг. *kin* (1 раз *ki:n-* в выражении ‘ножны меча’); ср.-тюрк.: хорезм., куман., ст.-кыпч. *kin* ‘ножны ножа, меча’, чаг. *qīñ* [Pav.C.] ‘ножны, ножик, тесак’; узб. *qīñ*, хорезм. диал. *qījn* ‘ножны, оболочка’; н.-уйг. *qīñ* ‘ножны’; тур., гаг. *kin* ‘ножны, футляр’; аз. *Gīn* ‘ножны, стручок, ложе листа’; туркм. *Gīñ* ‘ножны’; караим., кум., кбалк. *qīñ* ‘ножны, футляр’; тат. *qīñ* ‘ножны’; башк. *qīñ* ‘ножны, футляр’; ног., каз., ккалп. *qīñ* ‘ножны’; кирг. *qīñ* ‘ножны’; алт. *qīñ* ‘ножны, футляр’ [VEWT: 264; EDT: 630—631; Егоров 1964: 79; СИГТЯ 2000: 571; ЭСТЯ 2000: 218—219].

Первые фиксации этого слова в древнетюркских памятниках относятся к VIII в.

В [ЭСТЯ 2000: 218—219] указывается, что непонятно происхождение анлаута в чув. *jěñě* ‘ножны, футляр, пороховница, сагайдак’, чув. диал. *ěñě*. В [Дыбо 2007: 59] (вслед за [Вл.-Поп. 1924]) указывается на случаи такого соответствия ОТю **K-* ~ чув. **j-* перед восходящим дифтонгом **ia*. В [СИГТЯ 2006: 221—223] постулируется еще ряд других восходящих дифтонгов для объяснения особых рефлексов анлаутных согласных в чувашском: **ii*, **iu*, **ie*. А. В. Дыбо считает, что можно отказаться от их реконструкции, поскольку наблюдаемые в чувашском рефлексы объясняются без постулирования для пратюркского языка дополнительных вокалических сочетаний (подробный разбор см. [Дыбо 2007: 60—61]). В частности, для объяснения соответствия ОТю **K-* ~ чув. **j-* перед **i*, наблюдаемого в двух случаях (в рассматриваемом названии ножен и в чув. *jīyār* ‘звать, кричать’ ~ крх.-уйг. *qīqīr-* [МК]), А. В. Дыбо предлагает восстанавливать пратюркское вокалическое сочетание **ij*, которое вызывает палатализацию **K-* в чувашском вследствие метатезы таутосиллабического сочетания.

Но является ли необходимым реконструкция **j* для объяснения рефлекса узб. хорезм. диал. *qījn* ‘ножны, оболочка’, и всегда ли вокалическое сочетание, которое имеет рефлекс *i/ij* в современных тюркских языках в закрытом слоге, вызывает появление особого рефлекса **K-* в чувашском языке? Для ответа на этот вопрос нами по [ЭСТЯ] были проанализированы все лексемы с *-ī-*.

Оказалось, что с точки зрения отражения **-ī-* в хорезмском диалекте узбекского языка и в других тюркских языках, можно выделить следующие группы слов^{10, 11}:

1) **-ī-* > хорезм. диал. узб. *ый / ьй*¹²:

турк. *қы:з*, тур. диал. *güz*, узб. *қиз*, узб. хорезм. диал. *қыйз* [Абдуллаев 1961: 61]; чув. *хёр* ‘девушка, дева’ [ЭСТЯ 2000: 190—192];

турк. *сы:на*, узб. хорезм. диал. *сыйна* ‘испытывать’ [ЭСТЯ 2003: 403];

турк. *сы:рық*, узб. хорезм. диал. *сыйрық* ‘шест’ [ЭСТЯ 2003: 421];

2) **-ī-* > хорезм. диал. узб. *и:*

турк. *ды:н*, узб. хорезм. диал. *ди:н* ‘переставать’ [ЭСТЯ 1980: 341];

турк. *ды:з*, диал. *дыйз* [Амансарыев 1970: 85]; туркм., узб. хорезм. диал. *ди:з* ‘колено’ [ЭСТЯ 1980: 336];

¹⁰ Полный список рефлексов рассматриваемых слов см. в [ЭСТЯ]. В настоящей статье для экономии места приводятся только рефлекс в туркм., узб. и в языках, в которых представлено развитие **-ī-* > *Vj*; для слов, начинающихся на **K-*, — также в чувашском языке.

¹¹ В этой группе не рассматриваются следующие случаи, когда речь идет о:

1) ПТю **-ij-*

турк. *қы:н*, диал. *қы:йн*, узб., кум. диал., уйг. диал. *қийин*, кирг., бал., каз., ккалп., ног., тат., башк., алт. *қыйын*, чув. *хён* ‘труд’ [ЭСТЯ 2000: 219—220], поскольку, как показано в [Дыбо 2007: 46], в этом слове следует реконструировать **-jīn*, аналогично случаям ПТю **bojīn* ‘шея’, **Kojīn* ‘пазуха’, **ojīn* ‘игра’. Особенности рефлексов этих слов нельзя объяснить как результат появления *j* в качестве рефлекса **-ī-*, поскольку, например, **ojīn* ‘игра’ является отглагольным производным от **oj-* ‘играть’.

2) ПТю **-id-*

др.-тюрк. турк. *сыдыр*, тур., гаг., бал., кирг., каз., ног., тат. диал., алт. *сыйыр*, аз. *сийир* ‘сдирать (кожу, кору)’ [ЭСТЯ 2003: 412—413].

¹² Здесь и далее при цитировании из [ЭСТЯ] формы современных тюркских языков приводятся в транскрипции [ЭСТЯ].

3) рефлекссы рассматриваемого слова отсутствуют в хорезм. диал. узб., а в других языках $*-ī- > V/\bar{V}$: турк. *қы:згуш*, узб. *қизқуш, қизғиш* ‘чибис, пигалица’ [ЭСТЯ 2000: 194]; турк. *сы:н* ‘наблюдение’, узб. *син* в составе *синчи* ‘большой знаток лошадей’ [ЭСТЯ 2003: 401]; турк. *сы:рық* ‘медленно течь’, узб. *сирқи* ‘блекнуть’ [ЭСТЯ 2003: 423]; туркм. *сы:зыр* ‘свистеть’ [ЭСТЯ 2003: 384]; туркм. *сы:л* ‘тереть’ [ЭСТЯ 2003: 398]; туркм. *қы:р* ‘серый’ [ЭСТЯ 2000: 231].

Проведенный анализ показывает, что в хорезмском диалекте узбекского языка и в ряде туркменских диалектов встречается развитие $*-ī- > Vj$. Представляется нецелесообразным реконструировать праязыковое вокалическое сочетание с $*j$ для этих случаев. Вероятно, причины появления j следует отдельно описывать для каждого из языков и диалектов. Как указывается в [Амансарыев 1970: 85], развитие $*-ī- > Vj$ встречается в туркменских диалектах.

Анализ реализации $*-ī-$ в хорезмском диалекте узбекского языка показывает, что для этой фонемы возможны два варианта развития: 1) $-ый-$ / $-ьй-$ / $-ьй-$ и 2) $-и-$, — распределение которых в настоящее время не вполне ясно. Возможно, речь идет о различиях в способе записи, но ясно, что во всех случаях на месте ПТю $*-ī-$ в хорезмском диалекте узбекского языка появлялось либо вокалическое сочетание, либо долгий гласный, то есть для объяснения узб. хорезм. диал. *қijn* ‘ножны, оболочка’ нецелесообразно реконструировать особое ПТю сочетание $*ij$.

В чувашском развитии $*K- > j-$ не наблюдается в чув. *хён* ‘труд’ и чув. *хёр* ‘девушка, дева’, хотя в рефлекссах этих слов в других тюркских языках присутствуют вокалические сочетания с j : турк. диал. *қы:йн*, узб., кум. диал., уйг. диал. *қийин*, кирг., бал., каз., ккалп., ног., тат., башк., алт. *қыйын* ‘труд’ и тур. диал. *gyuz* ‘девушка’.

Поэтому для рассматриваемого слова предлагается вернуться к реконструкции, предложенной в [СИГТЯ 2006: 222] — ПТю $*Kiin$ ‘ножны’ с восходящим дифтонгом, который, вероятно, все же необходим для объяснения развития $*K- > чув. j-$.

Копье

ПТю $*süŋgü$ ‘копье, пика’: чув. *sāñā* ‘копье, пика’; як. *üñü* ‘копье, пика’; др.-тюрк. рун. орх. *süñüg* ‘копье’; др.-уйг. (ман., буд.) *süñü* ‘копье’; крх.-уйг. *süñü:- / sü:ñü:-* ‘копье’; ср.-тюрк.: хорезм., куман., ст.-кыпч., ст.-осман. *süñü* ‘копье’; чаг. *süŋgü* [ИМ; Рав.С.] ‘копье’; тур. *süŋgü* ‘штык’; гаг. *süŋgü* ‘копье, пика, штык’; аз. *süŋgü* ‘штык’; туркм. *süŋgi* ‘копье’; тат. *süŋgi* ‘копье, пика’; каз. *süŋgi* ‘копье, пика’; ног. *süŋgi* ‘копье, пика, штык’; башк. *hüŋgü* ‘копье, пика’; ккалп. *süŋgü* ‘копье’; балк. *süñü* ‘копье, штык’; кар. *s’uŋg’u* ‘копье, штык’; кум. *süñü* ‘копье, пика’ [EDT: 834—835; VEWT: 437; TMN, 3: 279; СИГТЯ 1997: 569; ЭСТЯ 2003: 355—356].

Вопрос о реконструкции значения для пратюркского языка не вполне ясен. У рефлекссов этого слова в памятниках с VIII в. представлено только значение ‘копье’. В археологических находках на территории Ордоса и Саяно-Алтая тоже есть только копья. Однако значение ‘пика’¹³ зафиксировано у рефлекссов слова $*süŋgü$ в современных тюркских языках, относящихся к разным дочерним семьям, в том числе и в чувашском, что должно свидетельствовать, скорее, в пользу необходимости реконструкции ‘пика’ для ПТю.

Значение ‘штык’¹⁴ более позднее и оно представлено у рефлекссов рассматриваемого слова в четком очерченном компактном географическом ареале вокруг Черного моря (в тур., аз., гаг., балк., ног., кар. языках), что соответствует и археологической реальности, поскольку, по [БСЭ], штыки появились в XVII в.

Обращает на себя внимание нерегулярное отражение инлаутного сочетания согласных: чув. $-n-$ ~ рун. орх. $-ñg$ ~ як., др.-уйг. (ман.), крх.-уйг., ср.-тюрк., бал. $-ŋ-$ ~ остальные языки $-ŋg-$.

В [EDAL] для рассматриваемых слов реконструируется праформа ПТю $*süŋgü$. Рассматривая, насколько подобная реконструкция позволяет объяснить рефлекссы инлаутного кластера в современных языках, мы проанализировали, пользуясь [ЭСТЯ], слова, содержащие в современных языках кластер $-ŋg-$. В результате мы пришли к выводу, на который указывал еще М. Ряснен [Ряснен 1949: 168], что рефлекссация $*-ŋg-$ существенно различается в каждом конкретном слове, и даже одно и то же слово в одном языке может иметь несколько разных вариантов рефлекссации $*-ŋg-$:

¹³ «Пика — колющее холодное оружие, находившееся с глубокой древности на вооружении пехоты и кавалерии. Разновидность длинного копья» [БСЭ].

¹⁴ «Штык — холодное колющее оружие, примыкаемое к стволу ружья (с XIX в. — винтовки, карабина, автомата) для штыкового боя. Ш. появился в середине XVII в.» [БСЭ].

1) туркм. *оңгеч* ‘пищевод’ [ЭСТЯ 1974: 536]

-*η*- (як., узб., каз, ккалп., кум., тат., башк.) ~ -*ηg*- (уйг., кирг.) ~ -*θ*- (алт., тув.);

2) тур. *бенги* ‘вечный’ [ЭСТЯ 1978: 113]

-*η*- (др.-уйг., як., алт., шор.) ~ -*ηg*- (кирг., тув., ккалп., каз., тат., башк., тув.) ~ -*ηk*- (др.-тюрк., алт.) ~ -*ng*- (тур., хак., як., алт.);

3) кирг., уйг. *сүңгү* ‘нырять’ [ЭСТЯ 2003: 357]

-*η*- (ног.) ~ -*ηg*- (кирг., уйг., ккалп., каз.).

Возможно, что в этих словах следует реконструировать различные консонантные фонемы и сочетания, например, *-*η*-, *-*ηk*-, *-*ηg*- и т. д. Нельзя исключить, что рефлексация этих сочетаний для каждого конкретного языка и диалекта должна описываться отдельно в терминах синхронной морфонологии. Эти вопросы нуждаются в дальнейшем изучении. Таким образом, реконструкция кластера *-*ηg*- для ПТю имеет предварительный характер.

Лук

По [ЭСТЯ 1989: 75], рефлексы названия лука не восходят к единой праформе, выделяют четыре типа праязыковой основы.

ПТю **jā* ‘лук’: чув. *śu* ‘лук’; як. *sā* ‘лук, огнестрельное оружие, ружье’; долг. *hā, sā* ‘лук’; тув. *śa* ‘лук’; тоф. *śa* ‘лук’; шор. в.-конд. *śažaq*; сюг. *ja* ‘стрела’; др.-тюрк.: др.-уйг. (ман.), крх.-уйг. *ya*: / *ya* ‘лук’, *ya* ‘созвездие Стрельца’; ср.-тюрк. хорезм. *ya*, куман., ст.-кыпч. *ya*:; ст.-осм. *ya* ‘лук’; уйг. *ja* ‘лук’; кирг. *žā* ‘лук’, алт. *d’ā* ‘лук, стрела’.

**jān* ‘лук’¹⁵: шор. *nan* ‘лук’, н.-конд. *jan* ‘оружие’, *jan-čak* ‘маленький лук’; башк. *jan* ‘лук’.

**jāj* ‘лук’: хак. *čā-žax* ‘лук’; др.-тюрк.: крх.-уйг. *yaу* ‘лук’; ср.-тюрк. кыпчак. *ya:у*; чаг. *ya(t)* / *yaу* ‘лук’; узб. *jāj* ‘лук, дуга, скобки, радуга’; тур. *jaj* ‘лук, смычок дугообразный, пружина’; гаг. *jaj* ‘лук, деревянный смычок в форме лука, пружина, рессора’, *jajī* ‘лук, пружина’; аз. *jaj* ‘лук, смычок, дуга, пружина, рессора’; туркм. *jāj* ‘лук, дуга, скобки, пружина, рессора’; каз. *žaj* ‘лук’; ног. *jaj* ‘лук’; кар. *jaj* ‘лук, радуга’; ккалп. *žaj* ‘лук’; кирг. *žaj* ‘лук’.

**ja(ā)ja* ‘лук’: тат. *jeje, žeje* ‘лук, шерстобитный лук, дуга, скобки’; башк. *jājā* ‘лук, скобки’; кбалк. *žaja* ‘лук’; кар. *jaja* ‘лук, радуга’; кум. *žaja* [VEWT: 186; EDT: 869; TMN, 4: 121—122; ЭСТЯ 1989: 75; СИГТЯ 1997: 570; Федотов 1996, 2: 274].

В тат. *jeje, žeje* ‘лук, шерстобитный лук, дуга, скобки’; башк. *jājā* ‘лук, скобки’ гласный переднего ряда появляется в первом слоге под влиянием соседнего -*j*- (ср. другие аналогичные примеры: крх.-уйг. *jalbī* [МК] ~ тат. *želpək* ‘широкий, плоский’; кирг. *čajna* ~ тат. *čejne* ‘жевать, кусать’; др.-уйг. *jašin* ~ тат. *ješen* ‘молния’).

В гаг. *jajī* ‘лук, пружина’ гласный второго слога можно объяснить как показатель застывшей формы принадлежности 3-го лица со значением ‘его / ее’, который в современном языке уже утратил свое значение [Дмитриев 1962: 253].

Происхождение разных вариантов основы рассматриваемого слова в настоящее время неясно, возможно, оно связано с морфонологическими процессами конкретных языков. Обратим внимание лишь на следующую интересную закономерность: основа **jā* явно является более архаичной, ее рефлексы представлены в чувашском языке, памятниках и в языках расположенных на северо-востоке; рефлексы основы **jāj* представлены в кыпчакских, огузских и карлукских языках; основа **ja(ā)ja* ограничена пределами западно-кыпчакских языков. Представляется, что их можно рассматривать как «огузо-кыпчакско-карлукскую» инновацию. Как будет показано ниже, как раз в наименованиях вооружения присутствует ряд совместных лексических инноваций, видимо, произошедших еще до распада единства этих языковых групп.

Тетива

ПТю **kiriš* ‘тетива’: тув. *kiriš* ‘тетива’; як. *kiris* ‘тетива, крученая веревка из воловьей кожи; подкожная мышца у основания коровьего хвоста; перепонка у крыла птицы, покрытая короткими и крепко сидящими перьями; веревка, скручиванием которой натягивается столярная ручная пила’; тоф. *kiriš* ‘тетива’; хак. *kārās* ‘тетива’; шор. *kiriš* ‘тетива’; др.-тюрк.: др.-уйг. *kiriš* ‘тетива’; крх.-уйг. *kiriš* ‘тетива’; чаг. *kiriš* [Pav.C.; IM; AH; QB] ‘веревка, маленькое бревно, прикрепленное к большому (табан) у крыши’; тур. *kiriš* ‘тетива, сухожилие, жила, струна (жильная), бревно, балка, брус, перекладина’; гаг. *kiriš*

¹⁵ Здесь и далее в этимологиях новыми абзацами даются формы, которые не сводятся в один тип основы.

‘тетива, струна скрипки, балка потолка’; аз. *kiriš* ‘тетива’; туркм. *kiriš* ‘тетива, струна’; тат. *kereš* ‘тетива, уздечка языка’; башк. *kereš* ‘тетива, смычок, лучок для трепания шерсти’; ног. *kiris* ‘тетива, хрящ носовой’; кар. *kiriš* ‘тетива, струна’; кум. *kiriš* ‘тетива, сухожилие, жила’; ккалп. *giris* ‘тетива’; кирг. *kirič* ‘тетива, лук (оружие), соединительная ткань между отдельными частями внутренностей’.

ПТю *Kirił ‘тетива’: чув. *xirlü* ‘тетива, шерстобитный лук, стужень у саней, вязок, соединяющий конец полоза с грядками’; як. *kiris* ‘тетива, крученая веревка из воловьей кожи; подкожная мышца у основания коровьего хвоста; перепонка у крыла птицы, покрытая короткими и крепко сидящими перьями; веревка, скручиванием которой натягивается столярная ручная пила’; хак. абакан. *xiris* ‘тетива’; алт. *kiriš* ‘тетива, железный витой прут, часть рукоятки бубна’ [ЭСТЯ 1997: 71—72; СИГТЯ 1997: 578].

Значение ‘жила’, вероятно, должно быть также реконструировано для праязыкового уровня, поскольку теоретически изменение значения ‘тетива’ > ‘жила’ представляется маловероятным. Но поскольку значение ‘жила’ не представлено у чувашского рефлекса, по формальному алгоритму мы не можем его реконструировать для ПТю.

В [СИГТЯ 2006: 194] для объяснения происхождения *-iü* в чув. *xirlü* ‘тетива’ предполагается, что чувашское слово возникло как результат словосложения двух ПТю основ *Kirił ‘тетива’ и *žāj ‘лук’. В рамках этой гипотезы не вполне ясно, как объяснить полное отсутствие изменения значения первой основы при словосложении прачув. ‘тетива’ + ‘лук’ > чув. ‘тетива’.

Более вероятной представляется гипотеза о происхождении чувашского слова, предложенная в [ЭСТЯ 1997: 71—72], по которой «чув. *xirlü* ‘тетива’ < *Kiri-*il-iw*, которая несопоставима с *kirił (в чувашском *kirił отразилось бы как *кёрлё). Однако основу *Kiri- можно усматривать в як. *kiris*, алт. *kiriš*».

В [ЭСТЯ 1997: 72] отмечается, что есть и другие примеры параллельных мягко- и твердорядных основ в тюркских языках, например, *ariš* [ДТС: 53] и *eriš* [ДТС: 179] ‘ткать’. Предполагается, что появление заднерядного варианта *Kirił могло возникнуть вторично в результате семантического сближения этого слова с *Kur- / *Kiri- ‘настраивать лук’ [ЭСТЯ 2000: 156].

Стрела

ПТю *ok ‘стрела’: чув. *ixă / oxă* ‘стрела’; як. *ox* ‘стрела, лук’; тув. *o’q* ‘стрела, пуля, снаряд’; хак. *ix* ‘стрела, пуля’; шор. *oq* ‘стрела’; сюг. *oq* ‘стрела, лук’; др.-тюрк.: рун. орх., др.-уйг. (ман.), крх.-уйг. *ok* ‘стрела’; ср.-тюрк. хорезм., ст.-кыпч. *ok / o:k*, куман., ст.-осман. *ox*, чаг. *oq* ‘стрела’; тур. *ok* ‘стрела’; узб. *u Oq* ‘стрела, пуля, снаряд, ядро пушечное’; уйг. *oq* ‘стрела, пуля’; гаг. *oq* ‘стрела’; аз. *ox* ‘стрела’; туркм. *oq* ‘стрела, пуля, снаряд’; каз. *oq* ‘стрела, пуля’; ног. *oq* ‘стрела, жало, пуля, снаряд, заряд’; тат. *uq* ‘стрела, жало’; башк. *uq* ‘стрела’; кбалк. *oq* ‘стрела, пуля’; кар. *oq* ‘стрела’; ккалп. *oq* ‘стрела’; кум. *oq* ‘стрела’; алт. *oq* ‘стрела, пуля, снаряд’; кирг. *oq* ‘стрела, пуля, снаряд’ [VEWT: 389; ЭСТЯ 1974: 437—438; EDT: 76; TMN 2: 153; СИГТЯ 1997: 577; Федотов 1996, 2: 296].

Чув. *ixă / oxă* ‘стрела’, вероятно, является рефлексом ПТю *ok-Ik (подробнее о суффиксе см. [Erdal 1991: 40—43]), поскольку как указывал еще М. Ряснен (см. подробнее [СИГТЯ 2006: 48]), в чувашском *-k#* > 0. Если принимать гипотезу, предложенную О. А. Мудраком (см. [СИГТЯ 2006: 51—53]), по которой чув. *ă* происходит из ПТю *ə, которое выпадает в ауслауте во всех остальных тюркских языках, то следует реконструировать ПТю *okə.

Щит¹⁶

ПТю *qalqan ‘щит’: чув. *xulxan*; крх.-уйг. *kalkan / kalkan / kalka:n*; чаг. *kalkan*; хорезм., куман. *kalka:n*; тур., туркм., кум., тат., башк., ног., ккалп., каз., узб. диал., уйг. *qalqan* ‘щит’; аз. *qalxan* ‘щит’; кар. *qalqan* ‘щит, защита’; кирг. *qalqan* ‘щит, защита, прикрытие, убежище, шлем’ [ЭСТЯ 1997: 233; EDT: 621].

Слово представлено в памятниках, начиная с XI в. Уже Л. З. Будагов указал на сходство этого слова и монг. *qalqa* ‘щит’, но вопрос о направлении заимствования по-прежнему остается открытым. По мнению Г. Дерфера [TMN, 3: 501—502], в тюркских языках *qalqan ‘щит’ является исконным словом, которое было заимствовано в монгольские языки, а потом произошли обратные заимствования в тюркские, но эти слова имеют уже другие значения, не относящиеся к комплексу вооружения (ср. як. *xalxa* ‘защита, тенистость’ и т. д.). Вероятно, и караханидская форма *kalkan* отражает какую-то северномонгольскую форму, поскольку во всех современных северномонгольских языках *-n*, восходящее к

¹⁶ На основе лингвистических данных мы не можем с уверенностью утверждать, были ли у пратюрков щиты, поскольку *qalqan* может быть проинтерпретировано и как пратюркское слово, и как раннее монгольское заимствование. Фонетика чувашской формы, как кажется, не дает возможности предпочесть ту или иную интерпретацию.

прамонгольскому *-n#, произносится как *ŋ*. Но нам представляется более вероятным направление заимствования из монгольских языков в тюркские (**qalqan* ‘щит’) уже на праязыковом уровне, потому что у этого слова в тюркских языках нет производных, а в монгольских представлено богатое словообразовательное гнездо, и само название щита, видимо, является производным от понятия ‘заслонять’ (ср. калм. *халхвч* ‘прикрытие, заслон’, *халхлгдх* ‘заслоняться’, *халхлх* ‘заслонять, загораживать’, *халхц* ‘щит’) [Мунниев 1977: 571].

Сопоставление с археологическими данными

Таким образом, по материалам лингвистической реконструкции для пратюркского времени восстаиваются следующие виды оружия¹⁷: **Kilīnč* ‘меч, сабля’, **kīn* ‘ножны’, **süngü* ‘копье’, **jā* ‘лук’, **Kirił* / **kirił* ‘тетива’, **ok* ‘стрела’.

А. В. Дыбо предполагает, что для пратюркского также следует реконструировать **Kiŋrak* ‘кинжал, нож’ (ср. суннское *kēŋh-rāh* ‘ритуальный нож’), которое было заимствовано в древнекит. 徑路 *kheŋ-rhá* ‘легкий меч’ (Чжоу или Зап. Хань) [Дыбо 2007: 84].

По данным [Ковалёв 1999, 2002], в хуннских погребальных комплексах на Ордосе найдены следующие виды вооружения: золотая обкладка **ножен** железного **меча** из золотой фольги (в могильнике Сигуупань¹⁸), **клевец** «гэ», бронзовые **копья** с ромбическим пером (в могилах Янлан IM4, Гуантай и Люпинцунь), бронзовый **нож** (в комплексе Мачжайцунь), **сложный лук** длиной почти полтора метра с небольшими парными роговыми накладками на концах (в могильнике царства Чу под Чанша), костяные трехгранные **стрелы** с расщепленным насадом (в могильнике Госяньяоцзы), биметаллический **кинжал** (в могильнике Гуантай), бронзовый **кинжал** акинак (в погребении M1 могильника Бэйсиньбао).

Таким образом, мы видим полное соответствие археологических находок в хуннских погребениях на Ордосе и названий вооружения, реконструируемых для пратюркского языка. Нуждается в пояснении лишь отсутствие в ПТю системе названий вооружения клевица «гэ»¹⁹. Это легко объяснимо, поскольку за пределами Китайской империи клевицы «гэ» не использовались.

II. Общетюркский комплекс вооружения

В общетюркском языке сохраняются все пратюркские названия вооружения **Kilīnč* ‘меч, сабля’, **kīn* ‘ножны’, **kerki* ‘тесло, топорик с лезвием, насаживаемым поперек топорича’, **süngü* ‘копье’, **jā* ‘лук’, **Kirił* / **kirił* ‘тетива’, **ok* ‘стрела’. Появляется и ряд новых лексем.

Нож

ОТю **bičak* ‘нож’ (от **bič-*²⁰ ‘кроить, резать’): як. *biħax* ‘нож, бритва, кинжал, меч’; хак. *pičax*; шор. *pičaq*; др.-тюрк.: др.-уйг. (ман.) *bičak* ‘нож’; крх.-уйг. *bičak* / *biček* / *bi:čä:k*; ср.-тюрк. чаг. *biček* ‘игла’, *bičak* ‘нож’; хорезм., куман., ст.-осман. *bičak* ‘нож’; узб. *pičaq* ‘нож’; уйг. *pičaq*; тур., гаг. *bičak*; аз. *bičaq*; хак. *pičax*; шор., туркм. *pičaq*; кум. *bičaq*; тат. *pičaq*; башк. *bišaq*; каз. *pyšaq*; ног., ккалп. *pyšak*; кар. *pičaq*; кбалк. *bičaq*; кирг. *bičak*; алт. *bičaq* ‘нож’ [ЭСТЯ 1978: 159—160; EDT: 293; Лосева-Бахтиярова 2005: 283].

В [ЭСТЯ 1978: 159—160] тув. *bižek* и тоф. *pišek* считаются рефлексом ОТю **bičak* ‘нож’, но при этой гипотезе не вполне ясно, как объяснять гласный переднего ряда в этих языках. А. фон Габэн предположила, что формы тув. *bižek* и тоф. *pišek* представляют собой суффиксальные образования от **bi* ‘лезвие’ с помощью синхронных продуктивных суффиксов (тув. *-žek*, тоф. *-šek*) [ЭСТЯ 1978: 160]. Рефлексы **bičak* ‘нож’ фиксируются в памятниках с VIII в., а само слово надежно реконструируется для ОТю языка.

¹⁷ Здесь и далее при упоминании этих слов приводятся только их значения, относящиеся к названиям вооружения.

¹⁸ Здесь и далее приводится лишь одно из мест находок того или иного предмета вооружения, полный список можно найти в работах [Ковалёв 1999, 2002].

¹⁹ Клевец «гэ» имеет массивный обух и обоюдоострое лезвие, которым можно работать и как чеканом, и как серпом — заточка идет и по прилегающей к древку металлической части. Угол скоса лезвия мог быть различным, варьировалась и длина древка. Самое длинное имело длину 314 см (у колесничих), среднее — 140 см, они широко использовались как колесничими против пехоты, так и наоборот — пехотой против колесниц. Длина короткой рукояти — 91 см. Такой клевец применялся при схватках пехотинцев друг с другом. Создавался клевец «гэ» специально для боя с колесницей и против колесниц. Им очень удобно подсесть, зацепить, пробить доспех или расколоть щит. С уходом колесниц «гэ» начал уступать место другим видам древкового оружия.

²⁰ Подробнее см. [EDAL: 1660].

В [ЭСТЯ 2000: 220; Дыбо 2007: 84] предлагается реконструировать еще одно название особого вида ножа.

ОТю **Kiṅrak* ‘большой нож’: тув. *xijiraq* ‘нож для скобления кожи’; хак. саг. *xijrax* ‘сабля’; др.-тюрк.: крх.-уйг. *kiṅra:k* [МК] ‘обоюдоострый кривой нож’; алт. *qijraq* ‘скребок для выделки кожи’; кирг. *qijaraq* ‘обоюдоострый нож-косарь’; уйг. диал. *qijraq* ‘большой нож’ (см. [ЭСТЯ 2000: 220; Дыбо 2007: 84; EDT: 639]).

Фиксация этого слова в памятниках наблюдается с XI в. Сближение форм с *-jṛ-* в крх.-уйг., алт., кирг., уйг. очевидно. Возникает вопрос, насколько надежно сравнение этих форм и тув. *xijiraq* ‘нож для скобления кожи’, хак. саг. *xijrax* ‘сабля’? Бывает ли, что **-jṛ-* > тув. *-jir-*, хак. *-jr-*? Для ответа на этот вопрос был проанализирован материал этимологий, содержащих кластер *-jṛ-*, и их рефлексы в хакасском и тувинском языках по [EDAL; ЭСТЯ]:

рун. орх. *teṅri* ‘небо’ ~ тув. *dēr* ‘небо’, хак. *tigər* ‘небо’ [EDAL];

крх.-уйг. *müjre-* ‘кричать’ ~ тув. *möre-*, хак. *müre-* ‘кричать’ [EDAL];

турк. *aṅri* ‘та, противоположная сторона’ ~ тув. *ār* ‘находящийся на другой стороне’, хак. *ār* ‘по ту сторону, дальше’ [ЭСТЯ 1974: 157];

чаг. *maṅra-* (Пав.С.) ‘мычать’ ~ тув. *māla* ‘мычать’, хак. *mara-* ‘блеять’ [ЭСТЯ 2003: 39];

крх.-уйг. *qoṅraq, qoṅraqı* ‘колокольчик’ ~ хак. *xoṅra-* ‘звенеть’, *xoṅro* ‘колокольчик’ [ЭСТЯ 2000: 59].

Итак, обзор материала показывает, что **jṛ* > тув. *r* с удлинением предшествующего гласного; в хак. рефлексация более разнообразна: *-gər / -jṛ / -r* с удлинением предшествующего гласного, — и позиции распределения рефлексов пока неясны. Но во всех рассмотренных этимологиях рефлексация принципиально отличается от тув. *-jir-*, хак. *-jr-*. На основании этого анализа казалось бы более целесообразным тув. *xijiraq* ‘нож для скобления кожи’, хак. саг. *xijrax* ‘сабля’ не считать этимологическими соответствиями др.-тюрк. крх.-уйг. *kiṅra:k* (МК) ‘обоюдоострый кривой нож’ и других рефлексов этой основы в современных языках, а предполагать заимствование из какого-то неизвестного источника в тув. и хак.

Но, как показано в [Дыбо 2007: 84—85], крх.-уйг. *kiṅra:k* (МК) ‘обоюдоострый кривой нож’ и другие формы с *-jṛ-* являются производными от **Kiṅ-ir* ‘согнутый, косой’ [VEWT: 264—265; EDT: 639; ЭСТЯ 2000: 220—221]. Тщательный анализ позволил выявить рефлекс **Kiṅ-ir* ‘согнутый, косой’ в тувинском и хакасском языках, которые в [ЭСТЯ 2000: 220—221] были пропущены: тув. *xıııyr* ‘косой, косоглазый’ [Тувинско-русский словарь 1968], хак. *xıııyr* ‘кривой, косой’ [Вербицкий 2006: 885]. Таким образом, оказывается, что развитие **j* в тув. и хак. в рефлексах **Kiṅ-ir* и **Kiṅrak* совпадает. Это можно объяснить, только предположив, что *xijiraq* ‘нож для скобления кожи’ и хак. саг. *xijrax* ‘сабля’ все-таки являются рефлексами ОТю **Kiṅrak*.

Топор

ОТю **balto* ‘топор, молот’: як. *balta* ‘кузнечный молот, коренной зуб’; тув. *ba’ldi* [Бичелдей 2001: 112] ‘топор’; хак. *paltı* ‘топор’; др.-тюрк. др.-уйг. (ман.) *baltu-* ‘топор’; крх.-уйг. *baldu / balta* ‘топор’; ст.-огуз. *baldu-*; ср.-тюрк.: хорезм., куман. *balta*; ст.-кыпч. *balta:* ‘топор’; чаг. *baltu* [Sangl.] ‘топор’; узб. *bolta* ‘топор’; тур. *balta* ‘топор’; аз. *balta* ‘топор, долото’; турк. *palta* ‘топор’; тат. *balta* ‘топор’; баш. *balta* ‘топор’; ккалп. *balta* ‘топор’; каз. *balta* ‘топор, валет (в картах)’; ног. *balta* ‘топор’; балк. *balta* ‘топор’; кар. *balta* ‘топор, кирка’; кум. *balta* ‘топор’; алт. *malta* ‘топор’; *baltısax* ‘стрела с тупым концом для лука-самострела’; кирг. *balta* ‘топор, валет (в картах)’ [VEWT: 61; EDT: 333; СИГТЯ 1997: 397; ЭСТЯ 2003: 100].

Слово встречается в памятниках с VIII в. и явно имеет общетюркский характер. В [TMN, 1: 199] реконструируется праформа **balto* (а не **baltu*, как в [EDAL]), поскольку она заимствуется с *-a* в монгольские языки. Г. Дёрфер предполагает, что все тюркские формы с *-a* — заимствования из монгольских языков. Но, учитывая варьирование широких и узких рефлексов ПТ **-o* по языкам (см. [СИГТЯ 2002: 46]), возможно, по крайней мере, огузские формы на *-a* считать исконными рефлексами ПТ **-o*.

В статье [Stachowski 2005] М. Стаховский анализирует и доказывает несостоятельность гипотезы К. Менгеса [Menges 1953] «о заимствовании тюркского слова из ассирийского-вавилонского *pāltu* ‘секира’». Более убедительной представляется алтайская этимология, предложенная в [EDAL]: ОТю **balto* ‘молот’ < ПА **māli* ‘палка, дубина’. М. Стаховский также считает, что для прототюркского языка следует реконструировать анлаутное **m-*, поскольку, по его гипотезе, прототюркское слово **maltu* было заимствовано в праславянский язык: ПСлав **moltь* > рус. *молот*, польск. *młot* (все славянские формы, которые относятся к этой этимологии см. в [Фасмер 1964—1973, 2: 647]). Все же представляется достаточно убедительной гипотеза [Фасмер 1964—1973, 2: 647] о связи названия молота с глаголом *молотить*, далее с лат. *malleus* ‘молот, колотушка’.

Не вполне ясно объяснение причин возникновения анлаутного *m-* в хак. *malta* (Sag.) ‘топор’, шор. *malta* ‘топор’ — такой рефлекс обычно дает **b-* под влиянием последующего носового согласного.

Кистень

Представляется, что на основании сравнения чаг. *kesken* ‘род булавы, маслособойная палка’, тат. *kistän* ‘кистень (дубина с утолщением на конце)’, башк. *kištän* ‘дубина с привязанным к ней железным шаром, кистень (дубина с утолщением на конце)’ [ЭСТЯ 1997: 58; Федотов 1996, 1: 299] не удастся реконструировать ОТю название вооружения, поскольку с большей вероятностью речь идет о более позднем образовании от глагола **kes-* ‘резать’ с помощью суффикса **-ken* [Р, 2: 1166]. Г. Дёрфер поддержал эту гипотезу и предположил, что тат. и башк. формы появились в результате диссимилиации.

По [ЭСТЯ 1997: 58], чув. *kisten*, которое В. Г. Егоров [Егоров 1964] считает рефлексом рассматриваемого ОТю слова, заимствовано из татарского языка. Чув. же *kismen* ‘оружие, состоящее из палки с надетым на нее металлическим шаром, толстый конец безмена’ (зафиксировано единственный раз в [Аш., 4: 246]), по мнению Л. С. Левитской, возникло в результате описки.

Тесло

ОТю **kerki* ‘тесло, топорик с лезвием насаживаемым поперек топорича’: тоф. *ke'rhižek* ‘тесло’; ст.-кирг. *kerki* ‘топор, топорик, ? тесло’; крх.-уйг. *kerki* ‘тесло’; ст.-кыпч. *kerki* ‘тесло’; ср.-тюрк.: куман. *kerki* ‘тесло’; ст.-осман. *kerki* ‘кирка, которой строители разбивали черепицу и делали другую работу’; уйг. *keke* ‘топор, топорик’, *kerke* (диал.) ‘топор, топорик, мотыга’; ср.-кыпч. *kerki* [АН] ‘топор, топорик’; тур. *kerki* ‘топор, топорик’; аз. *kärki* ‘тесло, мотыга’, *kerki* (диал.) ‘орудие, строгающее дерево’; туркм. *kerki* ‘топор, топорик с лезвием, насаживаемым поперек топорича, кирка’; алт. *kerki* ‘топор, топорик особого типа’; кирг. *kerki* ‘тесло (род топорика, обращенного поперек топорича)’;

чув. *karä* ‘долото’;

тув. *keržek* ‘тесло’ [EDT: 741; ЭСТЯ 1997: 51—52].

В [ЭСТЯ 1997: 51—52] указывается, что «название тесла является производным от глагола **ker-* / **kert-* ‘резать, делать зарубку’». Чувашское слово, по мнению Л. С. Левитской, правомерно считать рефлексом этого пратюркского корня, поскольку есть и ряд других примеров, где в чувашском языке происходит упрощение сочетания согласных на стыке корня и суффикса. Но на материале [ЭСТЯ] других примеров на упрощение именно кластера **rk* не зафиксировано.

Обращает на себя внимание и тув. *keržek* ‘тесло’, которое тоже не удается объяснить как производное от **kerki*, поскольку неизвестны другие примеры на упрощение кластера **rk* перед суффиксом *-žek*. Кажется более целесообразным предполагать, что чув. *karä* ‘долото’ и тув. *keržek* ‘тесло’ были образованы от глагольной основы **ker-* ‘резать, делать зарубку’, производные рефлексом которой реально в тюркских языках не представлены, но от нее зафиксированы именные производные на ПТю / ОТю уровне: **kert* ‘зарубка’, **kerki* ‘тесло’. Поскольку представляется, что чув. *karä* ‘долото’ не является производным от **kerki* ‘тесло’, то **kerki* реконструируется только для ОТю уровня.

По [ЭСТЯ 1997: 51—52], вопреки [Фасмер 1964—1973, 2: 238], рус. *кирка* является тюркским заимствованием.

Колчан

ОТю **Keš* ‘колчан’: як. *käsäx* (Пек.) ‘колчан’; тув. *xeš* (тодж.) [Рас. Фил: 188] ‘колчан’²¹; тоф. *xeš* ‘колчан’; др.-тюрк.: др.-кирг. *keš* ‘(золотой) пояс для колчана’; крх.-уйг. *ke:š* ‘колчан’; ср.-тюрк.: хорезм., ст.-кыпч. *keš*, куман. *keš*; кар. *keš*, *kes* ‘колчан’; кирг. *keš* ‘колчан’ [VEWT: 258; EDT: 752; ЭСТЯ 1997: 60—61].

В памятниках слово встречается с XI в. Подробный разбор употребления рефлексов слова **Keš* ‘колчан’ в древнетюркских текстах см. в работе [У.-Кõhalmi 1971]. К. У.-Кõхалми отмечает, что *keš* в древнетюркских текстах употребляется исключительно с эпитетом *золотой*. Действительно, отмечает К. У.-Кõхалми, покрытие поясов для ношения оружия могло быть из золота, но такие пояса были недоступны простым воинам. Это были самые ценные предметы для воинов-кочевников. Такой пояс был, например, у Чингисхана.

Обращает на себя внимание *é* в первом слоге в др.-тюрк.: др.-кирг. *keš* ‘(золотой) колчан’; крх.-уйг. *ke:š* ‘колчан’; ср.-тюрк.: хорезм., ст.-кыпч. *keš*. Проведенный анализ показывает, что *é* в памятниках достаточно часто появляется у рефлексов лексем с ПТю **ε*, которое, как показано в [Дыбо 2007: 51], рекон-

²¹ Наличие этого слова в тувинском языке не вполне надежно, поскольку оно зафиксировано только в [Рас. Фил: 188].

струируется на основании особых рефлексов (отличных от рефлексии ПТю *e), в якутском и чувашском: ПТю *jer 'земля' > як. *sir*, крх.-уйг. *jer* [МК]; ПТю *jel 'ветер' > як. *sillie* 'вьюга, вихрь', крх.-уйг. *jel* [МК, QB] и т. д. Полный анализ рефлексии пратюркских закрытых гласных в памятниках еще предстоит сделать в будущем.

Стрела, наконечник стрелы

ОТю *iġ 'острие, наконечник, конец' < ПТю *iġ 'конец': чув. *vəʷs* 'конец'; як. *uhuk* 'конец'; долг. *uhuk* 'конец'; тув. *uġ* 'конец, кончик'; хак. *us* 'острие'; шор. *uġ* 'конец'; др.-тюрк.: рун. орх., др.-уйг. *uġ* 'конец'; крх.-уйг., ст.-огуз. *u:ç* 'конец'; ср.-тюрк.: хорезм., куман. *u:ç* 'конец', ст.-кыпч. *u:c* 'конец', ст.-осм. *uc* 'конец'; уйг. *uġ* 'конец, кончик, копчик, зубец'; узб. *uġ* 'конец, кончик, верх, верхушка, острие, наконечник'; сюг. *uġ* 'конец'; тур. *uġ* 'конец, оконечность, кончик, верх, верхушка, острие, наконечник'; гаг. *uġ* 'конец, острие'; аз. *uġ* 'конец, кончик, острие'; туркм. *iġ* 'конец, острие'; тат. *oġ* 'конец, кончик, верх, верхушка, острие'; каз. *uġ* 'кончик, острие, наконечник'; ног. *uġ* 'конец, кончик, верх, верхушка, острие'; башк. *os* 'конец, кончик, верх, верхушка, острие'; кар. *uġ* 'конец'; ккалп. *uġ* 'конец, острие, наконечник'; кум. *uġ* 'конец, острие'; кирг. *uġ* 'конец, острие'; ойрат. *uġ* 'конец, острие' [EDT: 17—18; ЭСТЯ 1974: 611—612].

Это слово, вероятно, не может считаться ПТю названием наконечника или острия пики, поскольку эти значения не представлены у его рефлексов в чувашском языке. Представляется, что многозначность 'конец, острие, наконечник' возникает в ОТю языке, поскольку эти значения наблюдаются у рефлексов рассматриваемого слова во всех четырех подгруппах тюркских языков.

ОТю *sokom/n 'стрела, наконечник стрелы': тув., тоф. *soyup* 'стрела для лука'; хак. *soyan* 'стрела для лука'; шор. *soyan* 'стрела для лука'; крх.-уйг. *sukim* 'деревянный свистящий наконечник стрелы' («деревяшка с выдолбленной серединой; конической формы, имеет отверстия с трех сторон, надевается на конец древка стрелы; это свисток»), *bakir sukim* 'планета Марс' (букв. «медный соком»); ст.-кыпч. *sağan* 'острие стрелы' (АН, может быть, описка) [EDT: 811]; алт. *soyon*, диал. (лебед.) *soyono* 'стрела для лука' (по [Р, 4: 529], лебед. *soyon* 'железный наконечник стрелы'), *sokkon* ([Р, 4: 523]: тел.) 'железный наконечник стрелы' [EDT: 811; СИГТЯ 2000: 571; ЭСТЯ 2003: 277; Дыбо 2007: 157].

Варьирование *-m/-n* в ауслауте встречается и в других производных тюркских лексемах: ср., по данным [ЭСТЯ 1978: 160], туркм., тур., аз., кбалк. *бичим* 'фасон, покррой, фигура' ~ кирг. *бычын*, каз. *пишин* 'фигура'. Возможно, все же следует говорить о производных с различными суффиксами.

Как отмечается в [Дыбо 2007: 157], алтайская этимология, предложенная для этого слова в [EDAL], ненадежна. А. В. Дыбо (вслед за Дж. Клосоном) считает, что **sokom/n*, возможно, является отглагольным образованием от **sok-* 'вставлять'. В памятниках слово фиксируется с XI в. Его распространение в определенном ареале (северные языки и алтайский) и достаточно поздняя и фонетически не вполне надежная представленность в памятниках не позволяют реконструировать **sokom/n* для ОТю языка.

А. В. Дыбо указывает на сходство рассматриваемого слова и ПЕН. **soʔ/G/χom* 'стрела с тупым наконечником', и указывает, что поскольку тюркское слово является отглагольным производным, то более вероятно заимствование из тюркских языков в ПЕН., и оно должно было произойти до распада енисейских языков, то есть до XII в. Представляется, что это не является доводом в пользу реконструкции **sokom/n* для ОТю языка, поскольку, как предполагает и А. В. Дыбо, слово могло быть заимствовано и из кыргызского языка [Дыбо 2007: 157].

Праща

ОТю *salma 'петля, силок, лычко для метания камней': хак. *salba* 'лычко для метания камней'; чаг. *salma* [Pav.C.] 'силок'; уйг. *salma* 'петля для пуговицы'; кирг. *salmör* 'праща'; каз. *salma* 'ornamental bands in a yurt'; башк. *halmawir* 'праща' [VEWT: 399; EDT: 827; Ашм., 11: 174; ЭСТЯ 2003: 176];

ОТю *salju 'праща': крх.-уйг. *salju* 'праща'; хал. *salyo* 'праща'.

В [EDAL] все приведенные формы объединяются в одну этимологию (ОТю **salma* / **salju* 'праща') и считаются рефлексами ПА **sela* 'защелка, петля'. В [ЭСТЯ 2003: 176] рефлексы **salma*, **salju* считаются производными с помощью различных суффиксов от глагола **sal-* 'класть'. Для слова **salma* не реконструируется значение 'праща', поскольку оно представлено (кроме хакасского) только у производных от рефлексов этой лексемы.

Представляется, что, с точки зрения фонетических соответствий, рефлексы **salma*, **salju* несводимы в единую праформу. На полном материале этимологий по [EDAL; ЭСТЯ] не выявлено других примеров развития кластера **lm* > крх.-уйг. *lj*, хал. *ly*. Соответственно, речь может идти только об отдельных от-

глагольных образованиях. Далее возникает вопрос, могут ли эти отглагольные производные реконструироваться для ОТю уровня? Представляется, что это маловероятно, поскольку оба слова распространены только в определенных географических ареалах, а в памятниках фиксируются с XI в.

Доспехи

ОТю **jarīq* ‘доспехи (панцирь, кольчуга)’: др.-тюрк. рун. орх. *jarī:k* ‘наиболее частый термин для описания воинского снаряжения’; крх.-уйг. *jarī:k* ‘общее название, даваемое кольчуге и доспехам’; ср.-тюрк.: хорезм. *jarīk*, ст.-кыпч. *ja:rik*²² ‘нагрудный пластинчатый доспех’ [ЭСТЯ 1989: 147; EDT: 962].

Панцирь

ОТю **Kiñak* ‘чешуйчатый панцирь’: як. *kiñax* ‘панцирь, кольчуга из железных пластинок, нашитых на кожаный кафтан, броня с нашитыми железными пластинками’; тув. *qijaq* ‘панцирь, броня’; тоф. *qiĵ-aq* ‘панцирь, кольчуга, латы’; хак. *xiĵax* ‘панцирь, кольчуга, латы, броня, щит’; шор. *qiĵaq*; крх.-уйг. *kiyağ* ‘нагрудный пластинчатый доспех’; чаг. *kuĵak* (Pav.C.) ‘часть доспеха’; алт. *qiĵaq* ‘панцирь, кольчуга, броня’ [EDT: 676; VEWT: 301; СИГТЯ 1997: 576; ЭСТЯ 2000: 111, 113].

В памятниках слово фиксируется с XI в. Для **Kiñak* достаточно надежно реконструируется значение ‘панцирь из нашитых железных пластинок’.

Кирг. *qĵaq* ‘латы, надеваемые на грудь’, вероятно, не является рефлексом ОТю слова, поскольку кирг. *i* первого слога не является рефлексом ОТю **u* (см. [Дыбо 2007: 51]). Регулярным рефлексом было бы кирг. ***qujoq*. Вероятно, кирг. *qĵaq* возникло в результате адаптации монг. *qujaŋ*.

Кольчуга

ОТю **kūpe* ‘кольчуга’ < ПТю **kūpe* ‘(защитная) одежда’²³: чув. *kēpe* ‘рубашка’; шор. *kūbā* ‘кольцо в сбруе, панцирь’; др.-тюрк.: рун. орх. *kūpe*: ‘кольчуга’; крх.-уйг. *kūpe*: / *kū:pe*: ‘кольчуга, кольцо кольчуги, серьга’; ср.-тюрк.: куман. *kūbe* ‘кольчуга’, ст.-кыпч. *kūpe*: / *kūpe* ‘военное снаряжение’, ст.-осм. *kūpe* ‘кольцо серьги’; тур. *kūpe* ‘серьга, сережка (у животных и птиц)’; гаг. *kūpə* ‘серьга, подгрудок у различных животных’; турк. диал. *kūwe* ‘одежда (бронированная, ватная)’; кум. *gūbe* ‘кольчуга’; тат. *kūbā* ‘панцирь, кольчуга’; кар. *kūbe* ‘панцирь, броня, щит’, ног. *kūbe* ‘кольчуга, щит’; кбалк. *kūbe* ‘кольчуга’; кирг. *kūbe* ‘панцирь, непроницаемый для стрелы халат’ [Лосева-Бахтиярова 2005: 139; EDT: 687, 688, 689; ЭСТЯ 1997: 48—49, 108, 114—115, 129—130; TMN, 3: 581—583].

В случае с этим словом кажется, что речь идет о наиболее древнем защитном костюме, который представлял собой ватную одежду (см. [Лосева-Бахтиярова 2005: 139]). Значение ‘защитная одежда’ представлено как в туркм. диалектах, так и в киргизском языке, а в чувашском языке рефлексы этого слова описывают просто рубашку. На основании отсутствия значения ‘защитное вооружение’ в чувашском мы предполагаем, что в ПТю языке слово описывало просто одежду, и лишь в период становления ОТю языка появилась идея об одеянии, которое могло предохранять воина от ранения. Затем на основании анализа семантики рефлексов этого слова в языках-потомках мы предполагаем, что защитное вооружение, представляющее собой «непроницаемый для стрелы» (стеганный или ватный) халат, перестало быть популярным (рефлексы с таким значением сохранились лишь в двух языках). Поскольку для обозначения кольчуги, панциря, состоящего из железных пластинок, уже было название, ОТю **kūpe* стало употребляться для описания кольчатого панциря, поэтому его рефлексы в шор., крх.-уйг., тур. имеют значение ‘серьга’.

Сопоставление с археологическими данными

Таким образом, для общетюркского языка реконструируются следующие названия вооружения: **Kiliñč* ‘меч, сабля’, **kiñ* ‘ножны’, **sünġü* ‘копье’, **jā* ‘лук’, **Kiriñ* / **kiril* ‘тетива’, **ok* ‘стрела’, — уна-

²² Как отмечается в [ЭСТЯ 1989: 147], нельзя исключить генетическую близость этих слов с кирг. *žaraq*, уйг. *jaraq* ‘оружие’.

²³ Представляется весьма вероятной связь этого слова с лексемами, приведенными в [ЭСТЯ 1997: 144] под заглавием турк. *gūpbi* ‘ватник, телогрейка’, поскольку, как видно из семантики рефлексов, речь идет о ватном теплом одеянии, которое могло использоваться и в защитных целях (ср. значение в кирг. *kūpü* ‘мягкое, непроницаемое для стрел боевое одеяние’).

следованные из пратюркского языка, и новые лексемы: **bičak* ‘нож’, **balto* ‘топор, молот’, **kerki* ‘тесло, топорик с лезвием, насаживаемым поперек топорщища’, **Keš* ‘колчан’, **ič* ‘острие, наконечник, конец’, **jariq* ‘доспехи (панцирь, кольчуга)’, **Kuňak* ‘чешуйчатый панцирь’, **küpe* ‘кольчуга’.

По данным [Эбель 1998; Тетерин 1991; Руденко 1962], в гунно-сарматских памятниках на территории Горного Алтая найдены следующие виды вооружения: **мечи** с железным прямым двулезвийным клинком, железный **нож** с клинком удлинненно-треугольной формы, железные **кинжалы** (с изогнутым перекрестием и без перекрестия), бронзовые **палицы** (футы), **копья** с конусовидной разомкнутой втулкой, сложносоставные **луки** с фронтальными и без фронтальных накладок, **наконечники стрел** (железные, линзовидные, костяные), **наконечники-свистунки**, **нагрудные панцири** (с кожаным или металлическим кантом и без канта), **латы-поручи**; **колчаны** не найдены, их существование устанавливается по косвенным признакам (состав стрел и наличие колчаных крюков).

Реконструируемые слова и археологические находки можно соотнести следующим образом: **Kiliñč* ‘меч’, **bičak* ‘нож’, **süngü* ‘копье с конусовидной разомкнутой втулкой’, **jä* ‘сложносоставной лук’, **balto* ‘палица, молот’, **Keš* ‘колчан’, **ič* ‘наконечник стрелы’, **jariq* ‘доспехи’, **Kuňak* ‘нагрудный панцирь’, **küpe* ‘? латы’.

Для всех предметов, которые найдены в погребениях, реконструированы ОТю названия. Для некоторых названий оружия, которые реконструируются для ОТю, не найдены соответствующие предметы: **kerki* ‘тесло, топорик с лезвием, насаживаемым поперек топорщища’, **Kirił* / **kirił* ‘тетива’, **ok* ‘стрела’.

Тесло, предположительно, у носителей общетюркского языка не принадлежало к комплексу вооружения, и поэтому оно отсутствует в погребальных комплексах. Тетива, древко стрелы, ножны изготавливались из материалов, которые плохо сохраняются: растительных или животных волокон, дерева, соответственно.

Таким образом, данные лингвистической реконструкции показывают, как изменяется комплекс вооружения от ПТю к ОТю языку: появляются новые названия — **jariq* ‘общее наименование защитных доспехов’, **Kuňak* ‘чешуйчатый панцирь’, **küpe* ‘кольчуга’, название тяжелого вооружения **balto* ‘топор, палица’, **Keš* ‘колчан’. Это полностью соответствует и археологическим находкам.

Дальнейшее развитие тюркского комплекса вооружения (при Первом Тюркском каганате и у средневековых тюркских этносов) с точки зрения археологии подробно описано в монографиях [Худяков 1995, 1997]. В диссертации [Лосева-Бахтиярова 2005] собран полный корпус лексем, описывающих инновационные виды вооружения в отдельных тюркских языках. Поэтому мы не будем подробно останавливаться на их описании в настоящей статье, а представим лексические инновации в отдельных семьях вместе с реконструкциями, предложенными выше, в сводной таблице.

Данные по археологии	ПТю	ОТю	Сибирские языки	Огузские языки	Кыпчакские языки	Карлукские языки
Меч Ордос: + Алтай: +	<i>*Kiliñč</i>	<i>*Kiliñč</i>	<i>*Kiliñč</i> тув. <i>selebe</i> < монг.	<i>*Kiliñč</i> турк. <i>zülpükär</i> < араб. тур. <i>šimšir</i> , турк. <i>šemšir</i> < араб.	<i>*Kiliñč</i> таг. <i>zölfekar</i> ; башк. <i>zölfäkär</i> ; каз. <i>zulpiqar</i> < араб. каз., кирг. <i>selebe</i> ²⁴ < монг. башк. <i>säjäf</i> < араб. каз., ккалп. <i>semser</i> < араб.	<i>*Kiliñč</i> узб. <i>zulfiqor</i> < араб. узб. <i>šamšir</i> , уйг. <i>šämšär</i> < араб.

²⁴ В статье [Stachowski 2004] рассматривается происхождение названия сабли, и, в частности, предлагается гипотеза, что кыпчакские формы были заимствованы из тунгусо-маньчжурских языков (ср. эвенк. *sälämä* ‘железный, меч’), которые явились источником и монгольских форм *sel(e)me* ~ *selem(e)*. Нам все же представляется, что для кыпчакских форм монгольский источник является более вероятным в связи с тесными контактами носителей этих языков между собой.

Данные по археологии	ПТю	ОТю	Сибирские языки	Огузские языки	Кыпчакские языки	Карлукские языки
Ножны Ордос: + Алтай: –	*kiin	*kiin	*kiin	*kiin	*kiin	*kiin
Кинжал, нож Ордос: + Алтай: +		*bičak	*bičak хак., тув. kinžal < рус.	*bičak *kanžar < перс. *kama < перс.	*bičak *kanžar < перс. *kama < перс.	*bičak *kanžar < перс.
Топор, тесло Ордос: — Алтай: –		*balto *kerki	*balto *kerki тув., тоф. süge < монг.	*balto *kerki	*balto каз. šot	*balto *kerki
Копье Ордос: + Алтай: +	*süngü	*süngü	хак., тув. čida < монг.	*süngü чаг. žida, турк. žida < монг. *najza < перс.	*süngü кум., кбалк. korjo < рус. *najza < перс.	*süngü *najza < перс.
Лук Ордос: + Алтай: +	*jā	*jā	*jā	*jā *kamān < перс.	*jā	*jā
Тетива Ордос: – Алтай: –	*Kiriil / *kiriil	*Kiriš / *kiriš	*Kiriš / *kiriš	*Kiriš / *kiriš	*Kiriš / *kiriš	*Kiriš / *kiriš
Стрела Ордос: + Алтай: –	*ok	*ok	*ok	*ok *tir < перс.	*ok *žebe < монг.	*ok *tir < перс.
Щит Ордос: – Алтай: –				*qalqan тур. siper < перс.	*qalqan	*qalqan уйг. sipār, узб. sipar < перс.
Палица Ордос: – Алтай: +		*balto	*balto *soj-	*balto *čoqmar *kürzi < Ир. *topuz < перс.	*balto *kesken *čoqmar *kürzi < Ир. *küsäk *soj- *keltek	*balto *čoqmar *kürzi < Ир. *soj- *kaltak
Колчан Ордос: – Алтай: +		*Keš	*Keš *Kurug-luk *sayadaq < монг.	*sayadaq < монг.	*Keš *sayadaq < монг.	*Keš *Kurug-luk *sayadaq < монг.
Наконечники стрел Ордос: – Алтай: +		*ūč	*sokom/n *ūč *baš-	*ūč *temren	*ūč *baš-	*ūč *baš-
Праща Ордос: – Алтай: –			*salma	*sap-gan	*salma *sap-gan	*salḡu

Данные по археологии	ПТю	ОТю	Сибирские языки	Огузские языки	Кыпчакские языки	Карлукские языки
Панцирь Ордос: – Алтай: +		* <i>Kuñak</i>	* <i>Kuñak</i>	* <i>savut</i>	* <i>Kuñak</i> * <i>savut</i> каз. <i>kireuke</i> < монг. башк., каз. <i>badana</i> < перс.	* <i>savut</i>
Латы, кольчуга Ордос: – Алтай: +		* <i>küre</i>	* <i>küre</i>	* <i>küre</i>	* <i>küre</i> каз. <i>šarajna</i> , башк. <i>harajta</i> < перс.	* <i>küre</i>
Шлем Ордос: – Алтай: –			* <i>dabulya</i> < монг.	* <i>dabulya</i> < монг.	* <i>dabulya</i> < монг. * <i>šlem</i> < рус.	* <i>dabulya</i> < монг.
Молот Ордос: – Алтай: –			* <i>basu-</i> * <i>boŋ</i>	* <i>čEküč</i> * <i>basu-</i> * <i>bAlka</i>	* <i>čEküč</i> * <i>bAlka</i>	* <i>čEküč</i> * <i>bAlka</i>

Как можно видеть из этого краткого анализа появления инновационных названий, большинство из них — заимствования из 1) персидского, 2) монгольского, 3) арабского и 4) русского языков.

Однако в ряде случаев мы имеем дело со словами, источник заимствования которых неясен, или они имеют алтайскую этимологию, то есть не являются заимствованиями. На общетюркском уровне слово, вероятно, просто не обозначало вид вооружения, а затем произошло изменение значения. Именно эти случаи нам бы и хотелось рассмотреть несколько подробнее. Понятно, что когда речь идет о заимствованиях, то время их распространения приблизительно известно (II тыс. н. э.). Анализ же совместного изменения значения, затронувший несколько семей, может быть важен при изучении инноваций в комплексе вооружения отдельных этносов.

Наибольшее количество совместных инноваций произошло в группе «огузы-кыпчаки-карлуки»:

1) **bAlka* ‘молоток’ — тат. *balya*; тур. *balga* ‘молот’; балк. *balqa*; башк. *balqa*; ккалп. *balqa*; каз. *balqa*; уйг. *balqa* [VEWT: 61; ЭСТЯ 1978: 57—58];

2) **sap-gan* ‘праща’ — тур. *sapan* ‘рогатка’; аз. *sapan* ‘рогатка’; турк. *sapan* ‘праща’; тат. устар., уйг. *sapkan*; башк. *šarqan*; ккалп. *sarqan*; кум. *sarpan*; каз. *saqpan* ‘длинный ремень у пастуха’ [ЭСТЯ 2003: 198; Лосева-Бахтиярова 2005: 247];

3) **sobut* ‘панцирь’ — чаг. *savut*; турк. *sovut*; узб. *sovut* ‘кольчуга, панцирь’; уйг. *savut*; каз., ккалп. *savut*; кирг. *sōt* панцирь; ног. *sabit*; кбалк. *saūt*; тат. *savīt* ‘панцирь, кольчуга, латы’; башк. *hawīt* [Лосева-Бахтиярова 2005: 291].

Это доказывает, что после отщепления северо-восточных языков этнос «огузы-кыпчаки-карлуки» имел какое-то, возможно, весьма продолжительное время (судя по совокупности инноваций) совместный комплекс вооружения. Другие группы языков («огузы-карлуки», «огузы-кыпчаки» и т. д.) практически не имеют совместных инноваций.

Интересно также отметить, что в северо-восточных языках (в отличие от всех остальных тюркских языков) присутствует минимальное количество заимствований в названиях оружия. Возможно, это говорит о том, что этот этнос не испытывал серьезного влияния извне на создание своего комплекса вооружения. Наоборот, в огузских, кыпчакских и карлукских языках присутствует весьма значительное количество заимствований (особенно из иранских языков).

Сокращения

аз. — азербайджанский

алт. — алтайский

лебед. — лебединский диалект

араб. — арабский

балк. — балкарский

башк. — башкирский

булг. — болгарский

гаг. — гагаузский

диал. — диалектное

долг. — долганский	ойрат. — ойратский	тув. — тувинский
др.-кирг. — древнекиргизский	ОТю — общетюркский	тодж. — тоджинский
др.-уйг. — древнеуйгурский	ПА — праалтайский	тур. — турецкий
др.-чув. — древнечувашский	перс. — персидский	туркм. — туркменский
др.-тюрк. — древнетюркский	ПЕн. — праенисейский	узб. — узбекский
ир. — иранские	польск. — польский	хорезм. — хорезмский
каз. — казахский	прачув. — прачувашский	уйг. — уйгурский
калм. — калмыцкий	ПСлав — праславянский	устар. — устаревшее
кар. — караимский	ПТю — пратюркский	хак. — хакасский
кбалк. — карачаево-балкарский	рун. орх. — рунический орхонский	абакан. — абаканский диалект
кирг. — киргизский	рус. — русский	саг. — сагайский диалект
ккалп. — каракалпакский	сал. — саларский	хал. — халаджский
крх.-уйг. — караханидско-уйгурский	ср.-кыпч. — среднекыпчакский	хорезм. — хорезмский
кум. — кумыкский	ср.-тюрк. — среднетюркский	чаг. — чагатайский
куман. — куманский	ст.-кыпч. — старокыпчакский	чув. — чувашский
ст.-кыпч. — старо-кыпчакский	ст.-огуз. — старо-огузский	шор. — шорский
ст.-осм. — старо-османский	ст.-осман. — старо-османский	в.-конд. — верхне-кондомский
ман. — манихейский	сюг. — сарыг-югурский	н.-конд. — нижне-кондомский
монг. — монгольский	таг. — татарский	эвенк. — эвенкийский
ног. — ногайский	тел. — телеутский	як. — якутский
	тоф. — тофаларский	

Л и т е р а т у р а

Абдуллаев 1961 — *Абдуллаев Ф.* Хоразм Шевалари. Ташкент, 1961. {Abdullaev 1961 — *Abdullaev F.* Xorazm Ševalari. Taškent, 1961.}

Акишев 1981 — *Акишев А. К.* Костюм «золотого человека» и проблема катафрактария // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 54—64. {Akišev 1981 — *Akišev A. K.* Kost'um “zologoto čeloveka” i problema katafraktarija // Voennoe delo drevnix plemen Sibiri i Central'noj Azii. Novosibirsk, 1981. S. 54—64.}

Алкин 2007 — *Алкин С. В.* Коллекция из кургана Бома в Северном Притяньшанье: Материалы к изучению гунно-сарматского времени в Восточном Туркестане // Алтай-Саянская горная страна и соседние территории в древности. Новосибирск, 2007. С. 91—100. {Alkin 2007 — *Alkin S. V.* Kollekcija iz kurgana Boma v Severnom Prit'an'shan'e: Materialy k izučeniju gunno-sarmatskogo vremeni v Vostočnom Turkestane // Altae-Sajanskaja gornaja strana i sosednie territorii v drevnosti. Novosibirsk, 2007. S. 91—100.}

Амансарыев 1970 — *Амансарыев Дж.* Туркменская диалектология. Ашхабад, 1970. {Amanaryev 1970 — *Amanaryev Dž.* Turkmenskaja dialektologija. Ašxabad, 1970.}

Ашм. — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Т. 1—17. Казань; Чебоксары, 1928—1950. {Ašm. — *Ašmarin N. I.* Slovar' čuvaškogo jazyka. T. 1—17. Kazan'; Čeboksary, 1928—1950.}

Багаутдинов 2001 — *Багаутдинов Т. Н.* Традиционная военная лексика башкирского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2001. {Bagautdinov 2001 — *Bagautdinov T. N.* Tradicionnaja voennaja leksika baškirkogo jazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2001.}

Багышов 1990 — *Багышов Д. Г.* Военная терминология азербайджанского языка. Баку, 1990. {Bagyšov 1990 — *Bagyšov D. G.* Voennaja terminologija azerbajdžanskogo jazyka. Baku, 1990.}

Байжанов 1991 — *Байжанов Т.* Военная лексика в казахском языке. Алма-Ата, 1991. {Bajžanov 1991 — *Bajžanov T.* Voennaja leksika v kazaxskom jazyke. Alma-Ata, 1991.}

Бичелдей 2001 — *Бичелдей К. А.* Фарингализация в тувинском языке. М., 2001. {Bičeldej 2001 — *Bičeldej K. A.* Faringalizacija v tuvinskom jazyke. M., 2001.}

БСЭ — Большая советская энциклопедия / Гл. ред. *Прохоров А. М.* М., 1969—1978. {BSE — Bol'saja sovetskaja enciklopedija / Gl. red. *Prochorov A. M.* M., 1969—1978.}

Вербицкий 2006 — *Вербицкий В. И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 2006. {Verbickij 2006 — *Verbickij V. I.* Slovar' altajskogo i aladagskogo narečij t'urkskogo jazyka. Kazan', 2006.}

Вл.-Поп. 1924 — *Владимирцов Б. Я., Понне Н. Н.* Из области вокализма монголо-турецкого праязыка // ДАН-В, апрель-июнь. 1924, 4. С. 34—35. {Vl.-Pop. 1924 — *Vladimircov B. Ja., Poppe N. N.* Iz oblasti vokalizma mongolo-tureckogo prajazyka // DAN-V, aprel'-ijun'. 1924, 4. S. 34—35.}

Гараджаев 1985 — *Гараджаев Ч.* Военная лексика в туркменском языке. Ашхабад, 1985. {Garadžaev 1985 — *Garadžaev Č.* Voennaja leksika v turkmenskom jazyke. Ašxabad, 1985.}

Деревянко, Молодин, Савинов 1994 — Гунно-Сарматское время // Древние культуры Бертегской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Ред. Деревянко А. П., Молодин В. И., Савинов Д. Г. Новосибирск, 1994. С. 144—146. {Derev'anko, Molodin, Savinov 1994 — Gunno-Sarmatskoe vrem'a // Drevnie kul'tury Bertekskoj doliny (Gornyj Altaj, ploskogor'e Ukok) / Red. Derev'anko A. P., Molodin V. I., Savinov D. G. Novosibirsk, 1994. S. 144—146.}

Дмитриев 1962 — Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962. {Dmitriev 1962 — Dmitriev N. K. Stroj t'urkskix jazykov. M., 1962.}

ДТС — Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М. Л., 1969. {DTS — Drevnet'urkskij slovar' / Red. Nadel'aeV V. M., Nasilov D. M., Tenišev E. R., Ščerbak A. M. L., 1969.}

Дыбо 1996 — Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996. {Dybo 1996 — Dybo A. V. Semantičeskaja rekonstrukcija v altajskoj etimologii: Somatičeskie terminy (plečevoj pojas). M., 1996.}

Дыбо 2007 — Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд. М., 2007. {Dybo 2007 — Dybo A. V. Lingvističeskie kontakty rannix t'urok: Leksičeskij fond. M., 2007.}

Егоров 1964 — Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964. {Egorov 1964 — Egorov V. G. Etimologičeskij slovar' čuvaškogo jazyka. Čeboksary, 1964.}

ИРЛТЯ — Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. {IRLTJa — Istoričeskoe razvitie leksiki t'urkskix jazykov. M., 1961.}

Ковалёв 1999 — Ковалёв А. А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V—III веках до н. э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 75—82. {Koval'ov 1999 — Koval'ov A. A. O sv'az'ax naselenija Sajano-Altaja i Ordosa v V—III vekax do n. e. // Itogi izučeniya skifskoj epoxi Altaja i sopredel'nyx territorij. Barnaul, 1999. S. 75—82.}

Ковалёв 2002 — Ковалёв А. А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа — Азия: Проблемы этнокультурных контактов. СПб., 2002. С. 150—194. {Koval'ov 2002 — Koval'ov A. A. Proisxoždenie xunnu soglasno dannym istorii i arxeologii // Evropa — Azija: Problemy etnokul'turnyx kontaktov. SPb., 2002. S. 150—194.}

Лосева-Бахтиярова 2005 — Лосева-Бахтиярова Т. В. Военная лексика тюркских языков: Названия вооружения. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. {Loseva-Baxtijarova 2005 — Loseva-Baxtijarova T. V. Voennaja leksika t'urkskix jazykov: Nazvanija vooruženija. Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005.}

МК — Словарь Махмуда Кашгарского (см. [ДТС; EDT]). {MK — Slovar' Maxmuda Kašgarskogo (sm. [DTS; EDT]).}

Муниев 1977 — Калмыцко-русский словарь / Ред. Муниев Б. Д. М., 1977. {Muniev 1977 — Kalmycko-russkij slovar' / Red. Muniev B. D. M., 1977.}

Норманская 2005 — Норманская Ю. В. Генезис и реконструкция системы цветообозначений в древних индоевропейских языках. М., 2005. {Normanskaja 2005 — Normanskaja Ju. V. Genezis i rekonstrukcija sistemy cvetooboznačenij v drevnix indoevropijskix jazykax. M., 2005.}

Норманская, Дыбо 2010 — Норманская Ю. В., Дыбо А. В. Тезаурус: Лексика природного окружения. М., 2010. {Normanskaja, Dybo 2010 — Normanskaja Ju. V., Dybo A. V. Tezaurus: Leksika prirodnogo okruženija. M., 2010.}

Р — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: В 4-х томах. СПб., 1899—1911. {R — Radlov" V. V. Opyt" slovar'a t'urkskix" narėčij: V 4-x tomah. SPb., 1899—1911.}

Рас. Фил — Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. {Ras. Fil — Rassadin V. I. Fonetika i leksika tofalarskogo jazyka. Ulan-Ude, 1971.}

Руденко 1962 — Руденко С. И. Культура хуннов и новоинулинские курганы. М.—Л., 1962. {Rudenko 1962 — Rudenko S. I. Kul'tura xunnov i novoinulinskie kurgany. M.—L., 1962.}

Рясянен 1949 — Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1949. {R'as'anen 1949 — R'as'anen M. Materialy po istoričeskoj fonetike t'urkskix jazykov. M., 1949.}

СИГТЯ 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Ред. Тенишев Э. Р. Ì., 1997. {SIGTJa 1997 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Leksika / Red. Tenišev E. R. M., 1997.}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Ред. Тенишев Э. Р. Ì., 2002. {SIGTJa 2002 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Regional'nye rekonstrukcii / Red. Tenišev E. R. M., 2002.}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М., 2006. {SIGTJa 2006 — Sravnitel'no-istoričeskaja grammatika t'urkskix jazykov: Prat'urkskij jazyk-osnova. Kartina mira prat'urkskogo etnosa po dannym jazyka / Red. Tenišev E. R., Dybo A. V. M., 2006.}

Тетерин 1991 — Тетерин Ю. В. Могильник Дялян — новый памятник пратюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991. С. 155—157. {Teterin 1991 — Teterin Ju. V. Mogil'nik D'al'an — novyj pam'atnik predt'urkskogo vremeni Gornogo Altaja // Problemy xronologii i periodizacii arxeologičeskix pam'atnikov Južnoj Sibiri: Tezisy dokladov Vsesojuznoj naučnoj konferencii. Barnaul, 1991. S. 155—157.}

Тишкин 2006 — *Тишкин А. А.* Алтай в эпоху поздней древности, раннего и развитого средневековья (культурно-хронологические концепции и этнокультурная история). Автореферат дис. ... докт. ист. наук. Барнаул, 2006. {*Tiškin 2006 — Tiškin A. A. Altaj v epochu pozdnej drevnosti, rannego i razvitogo srednevekov'ja (kul'turno-xronologičeskie koncepcii i etnokul'turnaja istorija). Avtoreferat dis. ... dokt. ist. nauk. Barnaul, 2006.*}

Тувинско-русский словарь 1968 — Тувинско-русский словарь / Ред. *Тенишев Э. Р. М.*, 1968. {*Tuvinsko-russkij slovar' 1968 — Tuvinsko-russkij slovar' / Red. Tenišev E. R. M., 1968.*}

Фасмер 1964—1973 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1—4. М., 1964—1973. {*Fasmer 1964—1973 — Fasmer M. Etimologičeskij slovar' ruskogo jazyka. T. 1—4. M., 1964—1973.*}

Федотов 1996 — *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1—2. Чебоксары, 1996. {*Fedotov 1996 — Fedotov M. R. Etimologičeskij slovar' čuvaškogo jazyka. T. 1—2. Čeboksary, 1996.*}

Худяков 1995 — *Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1995. {*Xud'akov 1995 — Xud'akov Ju. S. Vooruženie srednevekovyx kočevnikov Južnoj Sibiri i Central'noj Azii. Novosibirsk, 1995.*}

Худяков 1997 — *Худяков Ю. С.* Вооружение Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья. Новосибирск, 1997. {*Xud'akov 1997 — Xud'akov Ju. S. Vooruženie Južnoj Sibiri i Central'noj Azii v epochu razvitogo Srednevekov'ja. Novosibirsk, 1997.*}

Эбель 1998 — *Эбель А. В.* Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Дис. ... канд. истор. наук. Барнаул, 1998. {*Ebel' 1998 — Ebel' A. V. Vooruženie i voennoe delo naselenija Gornogo Altaja v gunno-sarmatskuju epochu. Dis. ... kand. istor. nauk. Barnaul, 1998.*}

ЭСТЯ 1974 — Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1 / Авт. сл. ст. *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* М., 1974. {*ESTJa 1974 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov. T. 1 / Avt. sl. st. Sevort'an E. V., Levitskaja L. S. M., 1974.*}

ЭСТЯ 1978 — Этимологический словарь тюркских языков. Т. 2 / Авт. сл. ст. *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* М., 1978. {*ESTJa 1978 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov. T. 2 / Avt. sl. st. Sevort'an E. V., Levitskaja L. S. M., 1978.*}

ЭСТЯ 1980 — Этимологический словарь тюркских языков. Т. 3 / Авт. сл. ст. *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* М., 1980. {*ESTJa 1980 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov. T. 3 / Avt. sl. st. Sevort'an E. V., Levitskaja L. S. M., 1980.*}

ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й» / Ред. *Севортян Э. В., Левитская Л. С.* М., 1989. {*ESTJa 1989 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “Ž”, “Ž”, “J” / Red. Sevort'an E. V., Levitskaja L. S. M., 1989.*}

ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К» / Ред. *Левитская Л. С.* М., 1997. {*ESTJa 1997 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “K”, “K” / Red. Levitskaja L. S. M., 1997.*}

ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Қ», «Қ» / Ред. *Левитская Л. С.* М., 2000. {*ESTJa 2000 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “Q”, “Q” / Red. Levitskaja L. S. M., 2000.*}

ЭСТЯ 2003 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С» / Ред. *Левитская Л. С.* М., 2003. {*ESTJa 2003 — Etimologičeskij slovar' t'urkskix jazykov: Obščet'urkskie i mežt'urkskie osnovy na bukvy “L”, “M”, “N”, “P”, “S” / Red. Levitskaja L. S. M., 2003.*}

Ягафарова 2003 — *Ягафарова Г. Н.* Военная лексика башкирского языка. Уфа, 2003. {*Jagafarova 2003 — Jagafarova G. N. Voennaja leksika baškirskogo jazyka. Ufa, 2003.*}

ЯЖУ — *Малов С. Е.* Язык желтых уйгуров: Словарь, грамматика. Алма-Ата, 1957. {*JaŽU — Malov S. E. Jazyk želtyx ujgurov: Slovar', grammatika. Alma-Ata, 1957.*}

АН — *Caferoğlu A.* Abû-Nayyân: Kitâb al-Idrâk li-lisân al-Atrâk. Istanbul, 1931.

EDAL — *An Etymological Dictionary of Altaic Languages / Ed. Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* Leiden, 2003.

EDT — *Clauson G.* An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century TYP. Oxford, 1972.

Erdal 1991 — *Erdal M.* Old Turkic word formation: Functional approach to the lexicon. Wiesbaden, 1991.

Herzfeld 1947 — *Herzfeld E.* Zoroaster and His World // Princeton. 1947. Vol. 1—2. P. 52.

ИМ — 1) *Battal A.* Ibnü-Mühenna lûgati. Istanbul, 1934. 2) *Мелиоранский П. М.* Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900. 3) *Малов С. Е.* Ибн-Муханна о турецком языке // ЗКВ. Т. III. Вып. 2. Л., 1928. {*IM — 1) Battal A. Ibnü-Mühenna lûgati. Istanbul, 1934. 2) Melioranskij P. M. Arab filolog o tureckom jazyke. SPb., 1900. 3) Malov S. E. Ibn-Muxanna o tureckom jazyke // ZKV. T. 3. Vyp. 2. L., 1928.*}

Menges 1953 — *Menges K. H.* Zwei alt-mesopotamische Lehnwörter im Altajischen // Ural-Altäische Jahrbucher. 1953, 35. S. 299—304.

Pav.C. — *Pavet de Courteille M.* Dictionnaire turc-oriental. P., 1820.

- QB — материал из рукописи «Кутадгу Билиг». {QB — material iz rukopisi “Kutadgu Bilig”.}
- Qutb — *Zajaczkowski A.* Najstarsza wersja turecka Husrov u Šīrīn Qutba. T. 3. Słownik. Warszawa, 1961.
- Sangl. — *Sanglax.* A Persian Guide to the Turkish Language by Muhammad Mahdī Xān: Facsimile Text with an Introduction and Indices by sir G. Clauson. L., 1960.
- Stachowski 1993 — *Stachowski M.* Geschichte des Jakutischen Vokalimus. Kraków, 1993.
- Stachowski 2004 — *Stachowski M.* The origin of the European word for SABRE // *Studia Etymologica Cracoviensia.* 2004, 9. P. 133—141.
- Stachowski 2005 — *Stachowski M.* Uwagi o zapożyczeniach ałtajskich w języku prasłowiańskim i kwestie pokrewne // *Studia Turcologica Cracoviensia.* 2005, 10. S. 437—454.
- TMN — *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1963 (T. 1); Wiesbaden, 1965 (T. 2); Wiesbaden, 1967 (T. 3).
- U.-Köhalmi 1971 — *U.-Köhalmi K.* Drei alte innerasiatische Benennungen des Waffengürtels // *Studia Turcica.* 17. Budapest, 1971. S. 267—279.
- VEWT — *Räsänen M.* Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969.

РЕЗЮМЕ

В статье сделана попытка соотнести материалы, собранные в лингвистических и археологических работах.

В первой части статьи «Пратюркский комплекс вооружения» собраны названия предметов вооружения, которые реконструируются для пратюркского языка (то есть, их рефлекс есть в чувашском языке), и эти названия сопоставлены с археологическими данными о находках вооружения в погребальных комплексах на Ордосе, которые датируются VIII—IV вв. до н. э.

Во второй части работы «Общетюркский комплекс вооружения» собраны названия вооружения, которые сохраняются из пратюркского, и новые слова, которые появляются на общетюркском уровне (то есть их рефлекс есть в чувашском языке, но засвидетельствованы в якуто-долганской и/или сибирской группе). Они сопоставляются с находками оружия в гунно-сарматских погребальных комплексах на Саяно-Алтае, которые датируются II в. до н.э. — V в. н.э.

SUMMARY

In this article we attempt to compare the data found in both linguistic and archaeological works on the subject.

In the first part of the article, called “Proto-Turkic weapons complex”, we list the names of different weapons, reconstructed for the proto-Turkic (i.e., their reflexes are found in Chuvash) and compare these names with the archaeological data about the weapons in the burial complexes of Ordos, dated by VIII-IV centuries BC.

In the second part of the work, called “Common Turkic weapons complex”, we have collected the names of the weapons which had been preserved from the proto-Turkic as well as new words which appear only in common Turkic (i.e. their reflexes are not found in Chuvash, but are attested in Yakut-Dolgan and/or Siberian group of languages). These names are compared with the findings of weapons in Hun-Sarmat burial complexes of Sayan-Altai region, dated by II century BC — V century AD.

Ключевые слова: пратюркский язык, лексика, этимология, сравнительно-историческое языкознание, археология, прародина

Keywords: Proto-Turkic language, vocabulary, etymology, comparative linguistics, archaeology, Proto-Turkic homeland